РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 22. 29-го Мая 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА": МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

ЛИСАФА рѣшила, что въ ту-же ночь или наутро княгиня должна опять если не захворать серьезно, какъ уже было не разъ, то прихворнуть.

„Тогда увидимъ, пошлешь-ли ты Завьялову въ сыскъ!.. Небось, своя рубашка къ тѣлу ближе... А напугать-то тебя не мудрено, я поддамъ жару и въ животъ-то твой, да и въ разумъ-то твой. Старая дура! Княгиня!.. Какая ты княгиня, дурафья ты, Ягузинская!"

И, озлобленно думая и раздумывая, Лисафа пере-

СЪ ЯРМАРКИ. Съ картины проф. А. Вирушъ-Ковальскаго гравир. для „Родины" В. Цехомскій.

сыпала свои мысленныя рѣчи бранью и, вмѣсто того, чтобы успокоиться, она все болѣе озлоблялась.

Передумавъ еще нѣсколько разъ все о томъ-же и рѣшивъ окончательно, что княгиня захвораетъ снова, хотя и легонько, только ради одного испуга, Лисафа Давыдовна немножко успокоилась и стала даже ухмыляться. Она уже собиралась идти къ княгинѣ немножко ранѣе того времени, когда та обыкновенно ложилась спать, чтобы снова поговорить съ ней и узнать, нѣтъ-ли чего новаго въ ея образѣ мыслей. Но, когда она собралась уйти, пришелъ отсутствовавшій съ утра Абрамъ.

Лицо его было настолько сумрачно и тревожно, что Лисафа ахнула:

— Что съ тобой? Опять, что-ли, дьякона какого исколотилъ?

— „Дьякона“! — грубо отозвался Абрамъ.

Бросивши свой картузъ въ уголъ на полъ, онъ сѣлъ на стулъ, сложилъ руки на груди крестомъ и сталъ злобно смотрѣть на мать, какъ-будто вся бѣда, которая приключилась съ нимъ была ея личной виной.

— Говори скорѣй, что еще? Говорю, опять побилъ кого или набуянилъ гдѣ?

— Заладила тетеря, велика моя потеря, — рѣзко выговорилъ Абрамъ и разсмѣялся грубымъ смѣхомъ. — Никого я не билъ и нигдѣ не буянилъ. А вотъ ты доведешь всякаго человѣка до бѣды какой. „Люблю“ да „люблю“, да „обожаю“, только отъ тебя и слышишь. А какая ты мать родная, каково ты любишь родного сына?.. Все болтовня одна. Языкомъ ты любишь, а не нутромъ. Не мудреное дѣло. Въ кои-то вѣки разъ что у тебя попросишь самое пустяшное, ничего ты не сдѣлаешь...

— Что самое пустяшное? Чего я не сдѣлала? Мнѣ осталось за тебя только голову отдать, я для тебя уже все отдала и все дѣлала. Ну, говори, что еще?

— Нечего мнѣ говорить. Теперь поздно, помочь ты не можешь. Да только знай, коли пропаду я пропадомъ, буду съ клеймами на лицѣ, воромъ, душегубомъ, такъ ты и знай — твое дѣло.

Лисафа сразу встревожилась, забыла о своей личной бѣдѣ, подвинула стулъ, сѣла около сына и выговорила мягче:

— Говори, Абрамъ! полно ты! сказывай скорѣе, не мучь. Что могу, все сдѣлаю.

И Лисафа положила руку на плечо сына.

Абрамъ двинулъ рукой, взялъ руку матери и сбросилъ ее со своего плеча настолько сильно, что та легко вскрикнула.

— Полно! Со своими нѣжностями лѣзетъ къ сыну, точно любезная какая. Цѣловаться, что-ли, собралась? Говорю тебѣ, погубила ты меня.

— Да сказывай! Какъ? что? — воскликнула Лисафа.

— Что? А вотъ слушай, что. Просилъ я тебя эту старую тетеху, что въ жиру своемъ сама увязла, твою Елизавету Петровну, просилъ тебя ее уговорить Файку оставить въ домѣ, а что вышло?

— Да что-же я могу? Княгиня приставала къ князю, онъ не захотѣлъ. Ты это самъ все знаешь.

— Знаю, да не на что мнѣ это знать, да наплевать мнѣ на нихъ. Надо было тебѣ изъ кожи лѣзть, надо было сумѣть дѣло обдѣлать, а ты умѣешь только огородъ городить безъ толка. Ну, вотъ слушай, что теперь вышло. Файка у нѣмца, воетъ отъ зари до зари, и таково ей хорошо у нѣмца, что, понятное дѣло, не нынче — завтра она удавится. А Миляй изъ-за этого темнѣе ночи. Удавись Файка, удавится и Миляй, а, удавись Миляй, удавлюсь и я. Поняла?— И послѣ короткой паузы Абрамъ продолжалъ нѣсколько спокойнѣе: — да какъ-никакъ, а все это такъ. Есть люди, любятъ кто родителей, кто—любезныхъ да прелестницъ, кто — вино, кто чертъ знаетъ что, самого сатану обожаетъ. Всякій молодецъ на свой образецъ. А я вотъ моихъ родителей люблю, только на особый ладъ... Прелестницъ разныхъ, какихъ у меня чертова куча, не меньше, чѣмъ у Миляя, я обожаю, какъ вотъ собакъ подворотныхъ, потому онѣ собаки и есть. А вотъ есть у меня одинъ на свѣтѣ человѣкъ, безъ коего мнѣ не жить. Чудно оно, диковинно, можетъ быть, да что дѣлать, такъ, стало быть, Господь велитъ. Есть у меня одинъ человѣкъ на свѣтѣ, дорогой, безъ какого я жить не могу, люблю его я и какъ отца, и какъ сестру, что-ли, какъ жену, что-ли, какъ благодѣтеля, что-ли, какого — не знаю тамъ какъ, — а вотъ люблю страсть, и конецъ. Знаешь, про кого говорю?

— Знаю, вѣстимо. Спасибо, что больше любишь его, чѣмъ насъ съ отцомъ.

— Ну, да слыхали мы про это, будетъ. Скажу прямо, всякаго твоего вотъ этого Божьяго міра мнѣ не надо, чертъ его возьми!

— Охъ! грѣшишь!

— Ладно! тоже слышали, плевать мнѣ на всѣ ваши грѣхи. Такъ вотъ, говорю, за Миляя я не токмо что на все пойду, не только на убійство какое пойду, а на смерть пойду. Куда на смерть! съ самимъ сатаною стакнусь. Вотъ буду звать, подзывать его, иди, молъ, дьяволъ-искуситель, помоги мнѣ, я, молъ, тебѣ душу мою за грошъ продамъ, только Миляя убереги.

— Охъ! Господи! что онъ говоритъ, что говоритъ! — вскрикнула Лисафа какъ-бы сама себѣ.

— Что говоритъ? Заговоришь!

— Да въ чемъ-же дѣло-то? ты все-таки не сказалъ!

— Дѣло! да дѣло простое, понять не трудно. Тебѣ говорятъ, Файка удавится, за ней—Миляй, а за нимъ я удавлюсь. Вотъ и все, коротко. А вотъ, чтобы этого всего не было, надо инако взяться, и мы съ Миляемъ возьмемся: онъ будетъ дѣйствовать, а я помогать, да такъ помогать, что и не разберешь, кто дѣлалъ дѣло, а кто помогалъ, кто—хозяинъ, а кто его сподручный былъ, батракъ.

— Что-же вы дѣлать-то будете?

— Пойдемъ на все, а только не бывать Файкѣ у нѣмца.

— Выкрадете ее?

— „Выкрадете“! Сказала! — грубо разсмѣялся Абрамъ.

— Куда-же вы съ ней дѣнетесь?

— Сюда, что-ли, ее приведемъ, да у насъ въ квартирѣ она заживетъ? или съ Миляемъ, со всей дворней? Сказала!

— Что-же вы надумали?

— Самое простое, самое легкое, самое благолѣпное, все будетъ сразу обстоять, какъ слѣдуетъ. Избавимъ Файку отъ нѣмца, достанемъ денегъ, и много, и будетъ Файка вольная, и Миляй будетъ вольный, и поженятся, и заживутъ счастливо.

— Что ты шутишь или правду говоришь?

— Ничего не шучу.

— Какъ-же вы это сдѣлаете?

— Какъ? Надумаемъ что-нибудь. Острожное или сибирное, вотъ и все.

— Господи, помилуй!—вскрикнула Лисафа и оцѣпенѣла, потому что и по глазамъ, и по лицу сына увидѣла, что это — не простое хвастовство и не простая болтовня.

XLII.

Хотя княгиня строго приказала своей любимицѣ въ первый-же день никому не говорить о томъ, что Анна Тихоновна созналась въ своей винѣ, тѣмъ не менѣе, на другой день весь домъ уже зналъ о новости, которая стала событіемъ. Лисафа, конечно, тотчасъ-же разсказала все мужу и сыну, Абрамъ разсказалъ другу Миляю, а оба вмѣстѣ разсказали кое-кому изъ дворовыхъ.

Наутро во всемъ домѣ только и было толка о невѣроятномъ приключеніи. На кого только не думали, кого не подозрѣвали, но тихую и скромную Завьялову, конечно, никто не могъ заподозрить.

— Вотъ тебѣ и Тихоновна, и тихоня... въ тихомъ омутѣ черти водятся, сказывается. Вотъ оно такъ и есть, — говорилось дворней.

Однако, никто не злорадствовалъ, всѣ любили Анну Тихоновну и всѣ ужасались и жалѣли ее. Если-бы она не сама пошла и призналась во всемъ княгинѣ, а кто-нибудь другой донесъ на нее, то, конечно, во всемъ домѣ ни единая душа не повѣрила-бы.

Конечно, вскорѣ начались толки и пересуды о томъ, что будетъ. Одни говорили, что княгиня не захочетъ доносить на Анну Тихоновну, проститъ ей ея злючее колдовское дѣло, благо она теперь здорова; другіе увѣряли, что княгиня тутъ не причемъ; что если дойдетъ дѣло до всякихъ судейскихъ крючковъ, вообще до начальства, то Анну Тихоновну притянутъ и помимо княгини.

— Убей кого кто, — говорили дворовые, — и пущай всѣ кругомъ молчатъ, не объявляютъ, а все-таки полиція сама вступится и начнетъ разыскивать, и, найдя виноватаго, разсудитъ.

Затѣмъ пошли толки о томъ, что бѣдной Аннѣ Тихоновнѣ грозитъ не простая бѣда, а прямо смерть: она такая хилая и слабая, въ чемъ только душа держится, что послѣ двухъ-трехъ допросовъ съ пристрастіемъ, конечно, она и душу Богу отдастъ.

Разумѣется, всѣ толки дворовыхъ сводились къ одному заключенію, къ оханью о томъ, что князя нѣтъ дома. Будь онъ не въ отсутствіи, дѣло какъ-нибудь распуталось-бы, онъ не далъ-бы въ обиду Завьяловой, какъ-нибудь ее выгородилъ-бы, не уступилъ-бы разнымъ приказнымъ крючкамъ, а княгиня, какъ барыня и женщина, не сумѣетъ выпутаться.

Лисафа, конечно, на другой-же день съ утра приступила къ княгинѣ съ вопросами о томъ, что та порѣшила насчетъ Завьяловой. Княгиня повторила то-же самое: что надо послать гонца за княземъ въ Петербургъ, а покуда выждать, тѣмъ паче, что и Никуша говоритъ то-же, что и она сама думаетъ: если мать раздобыла колдовское зелье, то передала его кому-то другому. А кому именно? Начнется дѣло такое путанное, изъ котораго и не вылѣзешь. Кто такой этотъ другой?

— Да вамъ-то что-же за дѣло, кто-бы онъ ни былъ? — заявила Лисафа.

— Какъ можно, заранѣе надо знать—кто, прежде чѣмъ разсуживать.

Лисафа начала горячо убѣждать княгиню, что надо немедля все выяснить ради нея-же самой, ея здоровья и благополучія. Но княгиня упорно стояла на своемъ — обождать, а пока рѣшила немедленно распорядиться.

Она позвала дворецкаго и, вмѣстѣ съ нимъ, выбрала самаго расторопнаго и умнаго молодца изъ числа конюховъ, выбрала лучшую лошадь, ходившую и пристяжкой, и подъ форрейторомъ, т. е, верховую.

Затѣмъ княгиня вызвала Минича на совѣтъ.

Дѣло посылки гонца, конечно, не касалось до стрекулиста и ходатая по разнымъ дѣламъ, но княгинѣ не къ кому было обратиться, помимо его. Впрочемъ, случалось и прежде, что по разнымъ дѣламъ, не касавшимся до суда и до тягательства, князь самъ обращался къ Миничу. И теперь умному и опытному стрекулисту пришлось взяться за дѣло и исполнить порученіе княгини, совсѣмъ не касавшееся до его спеціальности. Онъ долженъ былъ на большомъ листѣ четко расписать всѣ города, по которымъ гонецъ долженъ былъ ѣхать на Петербургъ, и вообще дать подробную инструкцію. Гонецъ долженъ былъ дѣлать около шестидесяти и болѣе верстъ въ сутки, въ два пріема съ отдыхомъ. Молодой малый Иванъ, лихой ѣздокъ, брался шутя долетѣть до Петербурга гораздо скорѣе, если только конь не сплохуетъ. А этого ожидать было нельзя, такъ какъ давалась лучшая лошадь на конюшнѣ.

Обыкновенно лѣнивая и медленная во всемъ, что она дѣлала, на этотъ разъ княгиня Елизавета Петровна горячо принялась за дѣло посылки гонца. На другой день Миничъ уже привезъ подробную инструкцію, гдѣ было все расписано. Даже были выставлены цѣны овса въ тѣхъ разныхъ городахъ, черезъ которые полетитъ гонецъ. Затѣмъ, хотя петербургскій адресъ князя былъ написанъ на бумагѣ, Миничъ словесно и подробно разъяснилъ молодцу, гдѣ князя искать по пріѣздѣ въ городъ. Онъ такъ подробно и искусно объяснилъ молодцу, что на его вопросъ: „понялъ-ли?“, конюхъ отвѣчалъ:

— Помилуйте! Какъ живьемъ все вижу—и улицу самую, и домъ, — зажмурившись, найду.

Лисафа не мѣшала княгинѣ распорядиться насчетъ гонца. Когда молодецъ съѣхалъ со двора, гарцуя на красивой лошади и провожаемый чуть не всей дворней, Лисафа, глядѣвшая при этомъ въ окно изъ своей квартиры, мысленно заявила:

„Ну, добрый путь! Съ Богомъ, голубчикъ! А все-таки когда князь сюда пріѣдетъ, то много новаго у насъ будетъ“.

И, отвернувшись въ другую сторону, противоположную отъ воротъ, Лисафа обвела своими злыми глазами рядъ оконъ дома и выговорила вслухъ:

— Не хочешь дѣлать, что тебѣ говорятъ, упрямая, такъ не взыщи! Нынѣ ввечеру опять колдовство на тебя будетъ дѣйствовать. Покричишь да покувыркаешься въ постели одну ночь, и сразу съ тебя твое добродѣйство какъ рукой сниметъ, соберешься поневолѣ приказать донести на Завьялову.

И дѣйствительно, Лисафа Давыдовна предсказала вѣрно. Княгиня поужинала, выпила стаканъ кваса домашняго, очень вкуснаго, который она особенно любила, а затѣмъ собралась ложиться спать. Будучи почему-то въ особо хорошемъ настроеніи духа, быть можетъ, потому что рѣшила и обдѣлала немудреное дѣло отсылки гонца за мужемъ, она, улегшись въ свою кровать на цѣлую гору подушекъ, приказала Лисафѣ сѣсть около постели и разсказать что-нибудь любопытное.

(Продолженіе будетъ.)

Помогайте.

(Разсказъ изъ жизни стараго офицера.)

П. Н. Герасимова.

Всѣ хорошо знавшіе полковника не сомнѣвались, что если-бы при рѣзкихъ перемѣнахъ погоды ему не было надобности прибѣгать къ помощи костылей, то, конечно, онъ давно уже былъ-бы тамъ, гдѣ его боевой опытъ не былъ-бы лишнимъ. Семьи и родныхъ у него не было, а пріятелей достаточно, но пріятели — не помѣха къ отправленію хотя-бы и на вѣрную смерть.

Полковника любили за доброжелательность и открытый характеръ; однако, его старые знакомые не забыли рѣзкой перемѣны, случившейся съ нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ: ранѣе веселый собесѣдникъ, большой говорунъ, полковникъ, послѣ постигшаго его горя, какъ-бы ушелъ въ себя и, вмѣсто на все отзывчиваго разсказчика, обратился въ постоянно приличнаго, но всегда молчаливаго слушателя. Въ свое время, помимо искренняго сочувствія къ полковнику, многіе были заинтригованы этой перемѣной и сгорали отъ любопытства, потому что старый воинъ не былъ женатъ, а между тѣмъ...

И вотъ только теперь, съ началомъ тяжелой войны, когда обсужденіемъ ея и извѣстіями о ней стали заниматься съ равной страстностью и общество, и печать, старые пріятели полковника узнали всю тяжесть, все значеніе для него той потери, о которой онъ такъ долго не хотѣлъ ни съ кѣмъ говорить. Всѣ обстоятельства, съ которыми приходилось считаться боевому офицеру, стали понятны, благодаря простому вопросу одного изъ собравшейся компаніи:

— Что, полковникъ, я думаю, вамъ теперь въ Россіи не сидится? Пожалуй, только и думаете: какъ-бы попасть туда... на Востокъ?

— Ну, вотъ тоже! — возразилъ другой, — полковникъ съ честью выдержалъ двѣ войны, раненъ... Кто, кто, а онъ-то можетъ оставаться съ нами со спокойной совѣстью...

Поднялись дебаты о настоящихъ и будущихъ событіяхъ и, какъ часто случается въ нашихъ собраніяхъ, вопросъ, породившій разговоръ, былъ забытъ и стали разбираться темы, не касавшіяся, казалось, непосредственно полковника. Старый воинъ по привычкѣ внимательно всѣхъ выслушивалъ, а когда собесѣдовавшіе, что называется, изговорились, онъ выпилъ большими глотками стаканъ чая, откашлялся, какъ-бы приготовляясь къ продолжительной рѣчи, и повернулся въ сторону обратившагося съ вопросомъ въ началѣ разговора.

— Вы спросили, тянетъ-ли меня на войну? — сказалъ полковникъ. — Конечно, да! Тѣмъ болѣе, что настоящая война — война не каприза, не празднаго тщеславія, а исторически сложившаяся необходимость. Но что дѣлать? И радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Не будь у меня царапинъ, понятно, не усидѣлъ-бы я.

— Хороши царапины! обѣ ноги пробиты и одна съ поврежденіемъ костей! — шепнулъ кто-то.

— Прошу впередъ извинить, — продолжалъ полковникъ, — если я не буду послѣдователенъ, но думаю, что, въ концѣ концовъ, вы меня поймете и это принесетъ пользу дѣлу: одинъ положитъ кирпичъ, другой — тоже, послѣ подойдетъ третій... глядишь, и стѣна выросла. Я къ тому веду рѣчь, что, какъ это ни странно, меня въ настоящее время больше самой войны занимаютъ послѣдствія ея, и — какъ-бы это сказать — не въ политическомъ отношеніи, а въ смыслѣ перемѣны въ жизни отдѣльныхъ лицъ и семействъ. За конечный исходъ войны я спокоенъ; точно такъ-же, какъ это ни кажется грубымъ, спокоенъ за сражающихся: на то и воинъ, чтобы въ необходимыя минуты нести жертвы, даже такія, какъ потеря жизни и пораненія. Не этимъ, по-моему, страшна война, нѣтъ! она болѣе всего ужасна послѣдствіями, и, что обидно, эти ненужные и не необходимые ужасы въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при извѣстной отзывчивости и чуткости общества, вполнѣ устранимы.

«Все это мною не вычитано, а пережито на себѣ. Я участвовалъ въ двухъ войнахъ и въ цѣломъ рядѣ большихъ и малыхъ сраженій. Чтобы ранѣе высказанная мною мысль была понятнѣе, прошу еще разъ извинить за частыя отступленія отъ сути разсказа.

«На первую — сербско-турецкую — я отправился добровольцемъ. Долженъ сознаться, что въ то время я политическими комбинаціями совсѣмъ, или почти совсѣмъ не занимался, а въ повседневной жизни руководствовался правиломъ: этотъ хорошъ, потому что со мной знакомъ, а съ худыми я не схожусь. Въ силу-же пословицы: «друзья нашихъ друзей — наши друзья», я и воспламенѣлъ жаждой драться за сербовъ. Это, если хотите, общій фонъ моего былого добровольчества, но на этомъ фонѣ очень яркими красками были вышиты: жажда новыхъ впечатлѣній, стремленіе погеройствовать и смутная надежда, что геройствованіе, будучи въ корнѣ безкорыстнымъ, можетъ и сослужить службу — послѣ войны я перестану быть заурядным, имъ-же имя — легіонъ, поручикомъ.

«По возвращеніи въ Россію съ двумя иностранными орденами и медалью, смѣю завѣрить, заслуженными честно, всѣ мои ожиданія и надежды, какъ построенныя на вздутой почвѣ, лопнули. За границей я и ранѣе бывалъ, поэтому особенностями жизни нашихъ братьевъ, заимствовавшихъ многое изъ Вѣны, я не поразился, какъ никто не удивится аляповато созданнымъ миніатюрамъ. Особенности-же боевой обстановки и участіе въ битвахъ еще по дорогѣ на родину какъ-то очень быстро затуманивались, точно все это было во снѣ, и порой мнѣ казалось, что я былъ не на войнѣ, а на не всегда удачно производившихся ученьяхъ съ боевыми патронами. Конечно, я обстрѣлялся, но еще свѣжія воспоминанія о каждомъ отдѣльномъ случаѣ пережитой опасности, мнѣ думается, должны были походить на то ощущеніе, которое испыталъ, вѣроятно, извѣстный Дороховъ въ «Войнѣ и мирѣ» послѣ того, когда опорожнилъ на пари бутылку шампанскаго, сидя на подоконникѣ.

«При явкѣ къ своему командиру, старому заслуженному севастопольцу, онъ, потрогивая мои новыя иностранныя регаліи, съ добродушнѣйшей улыбкой замѣтилъ:

«— Ишь, чертъ возьми! какія у нихъ эти штуки красивыя!

«Господи! онъ ихъ даже не называетъ знаками отличія!» — быстро промелькнуло у меня въ головѣ и мнѣ стало ясно, что моя поручичья заурядность не пропала.

«Какъ извѣстно, послѣ сербской вскорѣ наступила русско-турецкая война. И какая-же разница драться за свою родину, при своей части, подъ своими знаменами!

«Послѣ цѣлаго ряда стычекъ, наконецъ, и нашему полку пришлось выдержать бой, въ кровопролитіи и важномъ значеніи котораго никто изъ офицеровъ не сомнѣвался. Этотъ хорошо остался у меня въ памяти на всю жизнь по пережитымъ предъ нимъ и во время его минутамъ. Нужно оговориться, что, по личнымъ наблюденіямъ и разговорамъ съ бывалыми бойцами, я убѣдился, что наканунѣ сраженія и вообще до времени, когда надо вполнѣ отдаться кровавой работѣ, девяносто человѣкъ изъ ста думаютъ не о себѣ, а о самыхъ для нихъ близкихъ: матери, дѣтяхъ, невѣстѣ, отцѣ... Но, разъ дѣло началось, сражающіеся точно гипнотизируются: при наступленіи — идеей скорѣйшаго захвата намѣченнаго пункта, при оборонѣ — стремленіемъ удержать свои позиціи до конца.

«Я былъ сирота, одинокъ, безъ родныхъ, ни предъ кѣмъ, кромѣ служебныхъ отношеній, не отвѣтственъ, и удивительное дѣло! какъ разъ впервые предъ этимъ большимъ сраженіемъ я почувствовалъ страшную тоску одиночества: мнѣ не было кого вспоминать!

«Количество жертвъ съ обѣихъ сторонъ въ этомъ сраженіи значительно превысило всякіе подсчеты и ожиданія. Отвѣтственность за излишне, напрасно пролитую кровь всецѣло падала на турокъ. Въ самый разгаръ нашего натиска на ихъ редутѣ выкинули бѣлый флагъ — знакъ сдачи. Тотчасъ же наши офицеры, рискуя собой, побѣжали впереди — вдоль стрѣлковой цѣпи, приказывая прекратить огонь. Роты поднялись и стройными колоннами, радуясь окончанію боя, двинулись къ расположенію сдавшагося противника. Нѣтъ! онъ не сдался, а гнусно притворился сдавшимся. Лишь только мы подошли къ чертѣ, ранѣе турками отмѣченной, какъ весь редутъ задрожалъ отъ открытой съ него орудійной и ружейной пальбы. Цѣлые ряды въ одно мгновеніе были вырваны изъ частей, считавшихъ себя уже побѣдоносными и ставшихъ спокойными за свою жизнь на сегодня, по крайней мѣрѣ. Часть людей шарахнулась назадъ, но, быстро одумавшись, остановилась, снова залегла и открыла жестокую стрѣльбу, исподволь подвигаясь къ тѣмъ смѣльчакамъ, которые продолжали двигаться впередъ.

«— Ну, погоди, дьяволъ! придетъ и твой чередъ! — услыхалъ я вблизи себя казавшійся знакомымъ голосъ.

«Оглянувшись, я увидѣлъ своего старшаго унтеръ-офицера, положившаго ружье на землю и перетягивавшаго платкомъ лѣвую руку.

«— Если сильно хватило, иди лучше на перевязочный пунктъ! — посовѣтывалъ я ему.

«— Пустое, ваше высокоблагородіе, самую малость кожи содрало! — какъ-то мрачно отвѣтилъ онъ, затягивая съ помощью зубовъ узелъ.

«Я взглянулъ на его лицо и, несмотря на горячія минуты и летавшія вокругъ пули, оно меня поразило. По мягкости и незлобивости выраженія болѣе симпатичнаго лица, какъ у этого унтеръ-офицера, я ни у кого среди солдатъ не встрѣчалъ. Два года назадъ, до войны, онъ счастливо женился и съ тѣхъ поръ въ его васильковыхъ глазахъ точно навсегда застыло ощущеніе полнаго блаженства, а на крупныхъ красныхъ губахъ постоянно играла дѣтски-довольная улыбка. Со дня выступленія въ походъ вся фигура унтера говорила о покорности судьбѣ, но ни въ одной чертѣ его полнаго съ отдутыми щеками лица нельзя было отыскать признаковъ озлобленія и ненависти. А теперь что сталось съ этимъ олицетвореніемъ кротости человѣкомъ? Все лицо его перекосило, и не отъ боли, а отъ временно безсильной злобы и жажды мести

ВЪ БОЯРСКОМЪ САДУ ВЕСНОЮ. Оригин. рис. **Б. Кремлева;** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

Стрѣльба его уже не занимала, ему нужна была схватка грудь въ грудь — штыковая работа. И, несмотря на весь ужасъ обстановки, среди другихъ какъ-бы обрывковъ мысли, у меня опредѣленно и ясно создалось предположеніе, что только желѣзная дисциплина помѣшала унтеръ-офицеру вмѣсто даннаго отвѣта желчно сказать мнѣ что-нибудь въ такомъ родѣ: «нашли-де время мягкосердечіе проявлять! теперь бить надо! больнѣе и сильнѣе бить!».

«Я посмотрѣлъ на ближайшихъ ко мнѣ офицеровъ и солдатъ и у всѣхъ то выраженіе на лицахъ было родственнымъ съ подмѣченнымъ мною у унтеръ-офицера. И въ себѣ я чувствовалъ отдаленіе отъ идеальнаго христолюбиваго воинства, сражающагося въ предѣлахъ долга и присяги. Нѣтъ! и во мнѣ зацарапался хищный звѣрь, забывающій о самосохраненіи, лишь онъ почувствуетъ запахъ крови, только ея и жаждущій.

«И такую перемѣну нашего настроенія сдѣлалъ обыкновенный, но нечестно выкинутый бѣлый флагъ!

«Тихо, но неуклонно подвигалась наша цѣпь къ главному валу, бросавшему въ насъ цѣлыя тучи свинца и чугуна. Мы почти у цѣли, уже ясно видны нарытые впереди укрѣпленія ровики. Но вотъ изъ крайняго ровика, покрывая ружейную трескотню, пронесся пронзительный крикъ:

— «По-мо-оги-и, бра-ат-цы!

«Эта мольба о выручкѣ по голосу могла принадлежать только извѣстному всему полку лихому ефрейтору, обладавшему такимъ голосомъ, что на подготовительныхъ къ смотрамъ ученьяхъ, когда ему приходилось командовать, хорошо настроенное начальство иногда шутя его спрашивало: «а громче можешь?» — «Могу! ваше — ство!»—отвѣчалъ, бывало, ефрейторъ и слегка подымалъ плечи, а подбородокъ опускалъ въ воротникъ, какъ-бы набирая запасъ воздуха. И дѣйствительно, на смотрахъ вопилъ еще громче.

«Но тогда, при мирномъ положеніи, чудовищно-громкіе выкрики ефрейтора вызывали улыбки, а теперь это пронзительное «по-мо-о-ги-те!» проникало въ самое сердце. Про себя скажу, что это была первая просьба, которая на всю жизнь твердо запала въ мою душу и мозгъ. Потомъ мнѣ довелось услыхать еще болѣе ужасное «помогите», но о немъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

«Прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить, что предпринять, чтобы, съ наименьшей затратой людей, выручить зарвавшуюся впередъ горсть солдатъ, которую кольцомъ охватилъ изъ-за засады непріятель, какъ уже мимо меня съ налитыми кровью глазами, съ наклоненной, точно у разъяреннаго вепря, головой, промчался мой старшій унтеръ-офицеръ, нечеловѣческимъ хрипомъ вопившій:

«— Выручай! ребята, выручай нашихъ!

«И всѣ около него бывшіе ринулись за нимъ, какъ при обвалѣ съ высокой горы за сорвавшимся первымъ камнемъ неудержимымъ потокомъ несутся слѣдующіе. Когда я добѣжалъ до ровика, ефрейторъ съ товарищами были спасены, а изъ турокъ ни одинъ не вернулся къ своимъ. Мѣсто, занятое смѣлымъ ефрейторомъ и чуть не ставшее для него могилой, для насъ оказалось очень гостепріимнымъ — это было, по военно-инженерному выраженію, такъ называемое мертвое пространство, т. е., полоса, безопасная отъ непріятельскаго огня. Намъ оставалось только выжидать, пока не продвинутся на одну линію съ нами остальныя части, чтобы вмѣстѣ броситься на главный валъ.

«Вдругъ опять непріятельское укрѣпленіе смолкло—ни одного выстрѣла не раздавалось оттуда — и снова огромный бѣлый флагъ началъ развѣваться въ центрѣ расположенія турокъ.

«Я видѣлъ, какъ этотъ разъ неохотно прекращали стрѣльбу наши солдаты; да, кажется, и офицеры далеко не такъ ретиво хлопотали поднять ихъ изъ-за закрытій.

«Однако, вскорѣ всѣ встали и, уже не щеголяя парадной стройностью, двинулись впередъ, будучи настороже, видимо, не довѣряя болѣе коварному врагу.

«Какихъ-нибудь много-много шаговъ двѣсти отдѣляло насъ отъ главнаго вала и придаточныхъ насыпей, за минуту посылавшихъ отъ себя вѣрную смерть и казавшихся грозными, а теперь представлявшихся мнѣ, по крайней мѣрѣ, грубыми и нелѣпыми глыбами земли.

«Но я поторопился: трагедія далеко еще не закончилась! Снова упалъ флагъ и снова редутъ опоясался огненными линіями, вырывая изъ нашихъ рядовъ сотни въ упоръ намѣченныхъ жертвъ!

«Послѣ этого вторичнаго злоупотребленія бѣлымъ флагомъ, я какъ-бы утратилъ способность яснаго представленія о происходившемъ вокругъ меня: въ конецъ озлобленные солдаты, предупреждая команду, съ оглушительнымъ «ура» бросились въ ровъ и оттуда кучами, какъ муравьи изъ растревоженнаго муравейника, выкарабкивались по откосу на валъ... Что произошло дальше, и теперь, черезъ много лѣтъ, какъ-то жутко вспоминать: на всемъ редутѣ только и видѣлись взмахи штыковъ и опрокидываемые трупы въ фескахъ, только и слышались стоны, вопли «аманъ» *) да еще трескъ прикладовъ о разбиваемые черепы.

«Вскорѣ появился, сверкая золотымъ шитьемъ и звѣздами, старый, весь трясущійся, перепуганный паша. Онъ, несвязно отрывисто что-то бормоча, неистово махалъ бѣлымъ флагомъ, а подлѣ него толстый, здоровеннаго вида переводчикъ вопилъ во всю силу своихъ легкихъ:

«— Сдаемся, совсѣмъ сдаемся! пощадите! сдаемся!

«Въ этотъ разъ сдача была непритворная.

«У насъ было приказано ударить отбой. Началось обезоруженіе таборовъ, и я думалъ, что сегодня мы не встрѣтимся съ новыми страшными сценами пролитія крови. Думалъ... а, между тѣмъ, самое ужасное пришлось пережить очень скоро.

«За редутомъ у турокъ, искренне вѣрившихъ въ недоступность ихъ позицій, были понарыты землянки, въ которыхъ нѣкоторые изъ турецкихъ офицеровъ жили со всѣмъ комфортомъ, чуть-ли не по-семейному. Уже послѣ отбоя и приведенія людей въ кой-какой порядокъ, изъ этихъ землянокъ прогремѣлъ выстрѣлъ, потомъ другой... Я, въ числѣ другихъ товарищей, желая узнать, въ чемъ дѣло, побѣжалъ туда. У самаго входа въ одну землянку я услыхалъ сперва полное ненависти приказаніе: «сдавайся!», потомъ старческій выкрикъ: «аманъ, аманъ!», за которымъ раздался выстрѣлъ, но не рѣзкій ружейный, а глухой — пистолетный. Точно въ предчувствіи чего-то скверного, не нужнаго для войны, я быстро нагнулся, чтобы по низкому спуску попасть въ землянку. Когда я выпрямился, я увидалъ... Ахъ, Господи! лучше-бы я этого никогда не видалъ и вамъ желаю ничего подобнаго не видать... На низкомъ турецкомъ диванѣ сидѣлъ «бимбаши» **), старикъ съ великолѣпной, по-поясъ сѣдой бородой, прижимая лѣвой рукой къ груди, не то какъ щитъ, не то какъ самое драгоцѣнное — свою жизнь и честь, красавца-ребенка, дѣвочку лѣтъ пяти-шести; въ правой рукѣ турка еще дымился свѣже-разряженный пистолетъ, а въ двухъ шагахъ отъ старика стоялъ съ отнесеннымъ назадъ для удара ружьемъ мой старшій унтеръ-офицеръ, тотъ унтеръ-офицеръ, который, по общему говору и убѣжденію роты, «зря мухи не обидитъ».

Раньше, чѣмъ я успѣлъ закричать: «стой! что ты дѣлаешь?», сверкнулъ штыкъ и, пробивъ шейку дѣвочки, застрялъ въ груди ея отца.

«— Все обманомъ. Вотъ те и бѣлый фла...—изступленнымъ голосомъ прохрипѣлъ унтеръ-офицеръ, но кончить свое злорадство онъ не успѣлъ: въ углу землянки щелкнулъ курокъ, и унтеръ съ пробитой головой упалъ близъ предсмертно хрипѣвшаго старика и убитаго солдата моей-же роты.

«Дѣломъ одной секунды для меня было броситься на только что стрѣлявшаго, ударомъ сабли вышибить у него пистолетъ и схватить за шиворотъ. Онъ оказался, какъ потомъ я узналъ черезъ нашего солдата-татарина, денщикомъ фанатика-бимбаши, кричавшаго «аманъ» и притворившагося сдающимся, а затѣмъ убившаго товарища моего унтера, тоже поплатившагося жизнью за жажду отмщенія...

«Поздно ночью, когда убитые были убраны, раненые перевязаны и частью отправлены въ полевой госпиталь,—словомъ когда всѣ мы, оставшіеся невредимыми, могли спать спокойно, большинство изъ офицеровъ писали письма къ своимъ близкимъ о пережитыхъ впечатлѣніяхъ. Мнѣ писать было не кому, но и заснуть я не могъ: всѣ испытанныя въ теченіе дня треволненія успокаивались, какъ-то расплывались, но предъ глазами виталъ образъ сѣдобородаго бимбаши, а еще сильнѣе, настойчивѣе — прелестное и мертвымъ личико его дѣвочки, не нужной и случайной жертвы войны и человѣческаго недомыслія...

«Господа! всѣ мы другъ друга знаемъ достаточно хорошо и давно; поэтому къ чему мнѣ предъ вами излишне стѣсняться? И я долженъ сознаться, что до смерти такъ страшно погибшей на моихъ глазахъ турчанки-ребенка я никогда сантиментальностью не страдалъ и, встрѣчая, бывало, маленькихъ нищихъ, давалъ имъ при хорошемъ настроеніи мелочь и моментально забывалъ о нихъ и о мелочи. Впрочемъ, и то сказать, самихъ бѣдствующихъ и особенно ихъ дѣтей очень многіе—даже и злые люди—признаютъ за мелочь, долго останавливаться надъ которой нѣтъ резона. Когда-же я бывалъ не въ духѣ, то на пискливое: «Христа ради, маленькому копеечку», я грозилъ пальцемъ, кошелька не вынималъ, а нѣсколько секундъ посвящалъ размышленіямъ о вредѣ нищенства.

«Ну, а теперь слушайте, если не наскучило, дальше, такъ какъ я подхожу, какъ это говорятъ о выставкахъ, къ гвоздю разсказа.

«Кровавымъ, со страшными потерями боемъ нашъ отрядъ точно пріобрѣлъ себѣ право на сравнительно долгое безмятежное житіе. Больше мѣсяца мы, неукоснительно двигаясь впередъ, видѣли не турокъ, а только турецкія пятки. У насъ потерь никакихъ, а отъ непріятелей забиралось плѣнными

*) „Аманъ“—просьба о пощадѣ.

**) Бимбаши—штабъ-офицеръ, званіе соотвѣтствовавшее нашему прежнему чину маіора.

чуть-ли не ежедневно цѣлые десятки, и хотя мы подступали къ грознымъ балканскимъ вершинамъ, усѣяннымъ сильными окопами, многіе изъ офицеровъ полушутя, полусерьезно увѣряли, что чувствуютъ себя какъ-бы маневрирующими въ окрестностяхъ Краснаго Села или подъ московской Ходынкой. Всѣ мои товарищи по полку благодушествовали, а я нѣтъ! Со мной, какъ говорятъ деревенскія старушки, что-то стряслось. Видывалъ-же я раньше и искалѣченныхъ, и всякія турецкія звѣрства, и другіе ужасы, но все это не оставляло такого рѣзкаго слѣда въ памяти, какъ смерть неповиннаго ребенка, пронзеннаго нашимъ штыкомъ. Лишь только я не бывалъ занятъ чѣмъ-нибудь особенно важнымъ, такъ сейчасъ-же мнѣ вспоминалась смуглая дѣвочка съ пробитой насквозь шейкой, изъ которой, казалось, неудержимымъ потокомъ лилась кровь на грудь старика, и каждый разъ, прежде чѣмъ заснуть, мнѣ въ полузабытьѣ, однако, съ чудовищной ясностью мерещилась группа изъ моего унтера, бимбаши и его дочери. Я сталъ побаиваться: ужъ не галлюцинирую-ли я? И вотъ мнѣ, прежде не признававшему никакихъ, кромѣ пунша и желудочной водки, лекарствъ, считавшему шалости нервовъ забавой ничего не дѣлающихъ дамъ, пришлось познакомиться съ бромомъ и его родней.

«Бромъ не помогъ ни на волосъ, а время нѣсколько помогло, такъ какъ въ концѣ концовъ изъ преслѣдовавшаго меня видѣнія фигуры унтеръ-офицера и бимбаши исчезли и остался одинъ ребенокъ.

«Подъ конецъ кампаніи я былъ раненъ: сперва легко, такъ что черезъ нѣсколько дней вернулся въ строй, а потомъ вскорѣ посильнѣе,—съ поврежденіемъ костей, почему и былъ эвакуированъ въ Россію. И вотъ что было странно: когда у меня смотрѣли на перевязочномъ пунктѣ первую рану, образъ дѣвочки-турчанки особенно ясно виталъ предо мной, а въ уши какой-то невѣдомый мягкій и нѣжный голосъ словно шепталъ: «вонъ какъ о тебѣ безпокоятся, а мнѣ такъ никто не помогъ! никто за меня не заступился!».

«Представьте себѣ, что и потомъ, при вторичномъ пораненіи, лежа въ полевомъ госпиталѣ на операціонномъ столѣ и жестоко страдая во время процесса удаленія осколковъ костей (отъ хлороформированія я отказался), я опять, лишь закрывалъ глаза, видѣлъ приколотаго ребенка и мнѣ слышались тѣ-же слова, что и въ первый разъ.

«Въ Россіи, послѣ того какъ я настолько поправился, что мнѣ были разрѣшены небольшія прогулки, я, встрѣчая на улицѣ обездоленныхъ дѣтей, относился къ нимъ уже далеко не съ прежнимъ безразличіемъ. Нерѣдко я вступалъ съ маленькими просителями и просительницами въ собесѣдованія и частенько даже добивался отъ нихъ полной откровенности, и тогда-то я узналъ, что дѣтей гораздо чаще, чѣмъ штыкомъ, прикалываютъ на-смерть нуждой, и не чужіе, а свои—одноплеменные. Научившись интересоваться голодной дѣтворой, я поторопился въ предѣлахъ своихъ средствъ открыть въ родномъ городѣ небольшой пріютъ для брошенныхъ малютокъ. Если быть правдивымъ, то слѣдуетъ сказать, что я былъ какъ-бы исполнителемъ, а иниціаторомъ, или, по-русски, зачинщикомъ, была маленькая турчанка, которая нѣтъ-нѣтъ да и появлялась предо мной, точно нѣчто существующее...

«Повтореніе видѣній начало меня не на шутку безпокоить, и разъ дѣло пошло на откровенность, то долженъ признаться, что я сталъ опасаться сумасшествія, а уже не временнаго нервнаго разстройства.

«Сперва я хотѣлъ, какъ говорятъ, своимъ умомъ дойти до причины явленій, но, сколько ни думалъ, ничего разгадать не могъ. Не я-же—виновникъ ея преждевременной смерти? Мало того, развѣ я могъ предупредить звѣрство? Почему-же она преслѣдуетъ меня? На послѣднемъ вопросѣ я какъ-будто и поймалъ самого себя, потому что разъ какъ-то выплылъ неожиданный отвѣтъ: если-бы ты повнимательнѣе наблюдалъ за нравственнымъ ростомъ своихъ подчиненныхъ, то очень можетъ быть, что бимбаши былъ-бы убитъ, а дѣвочка осталась-бы живой! Но послѣднее соображеніе меня не долго тревожило, такъ какъ я со спокойной совѣстью могъ себѣ и кому угодно сознаться, что этимъ самымъ нравственнымъ ростомъ занимался не только въ предѣлахъ требованій устава, а, пожалуй, и значительно больше.

Такъ или иначе, а для самоуспокоенія пришлось обратиться къ врачамъ-психіатрамъ. Всѣ они, будто сговорившись, помимо порошковъ и тинктуръ, давали совѣты: поменьше сосредоточиваться, побольше безвредныхъ развлеченій, правильный режимъ и прочее въ такомъ-же духѣ. Затѣмъ шли увѣренія, что никакой опасности нѣтъ и что это-де бываетъ послѣ войны со многими, какъ результатъ боевого переутомленія и излишка сильныхъ впечатлѣній.

«Гм!—соображалъ я,—какое тамъ переутомленіе, когда я чувствую себя физически прекрасно, и почему это всѣ былыя впечатлѣнія уже какъ-бы подернулись дымкой и безъ повода, почти сами собой, вѣрнѣе совсѣмъ не вспоминаются, а ея образъ вспоминается непрестанно и возстаетъ предо мною съ не уменьшающейся опредѣленностью?»

«Какъ-бы то ни было, ни порошки, ни тинктуры, ни совѣты дѣла не измѣнили; все это медицинское я бросилъ, а видѣнія прекратились, или, если хотите, я психически выздоровѣлъ самымъ неожиданнымъ и страннымъ образомъ.

«Я—не мистикъ, не спиритъ, въ переселеніе душъ не вѣрилъ и не вѣрю и вообще превыспренними вопросами человѣческаго бытія никогда не занимался, а, право-же, въ жизни иногда можно натолкнуться на положенія, при которыхъ самый уравновѣшенный человѣкъ можетъ запутаться и совершенно сбиться съ толка. Я не удивлюсь, если все, что вы услышите дальше, можетъ вамъ показаться или вымысломъ, или плодомъ больного воображенія. А, между тѣмъ, это — правда, дѣйствительно пережитое и выстраданное. Вы-же знаете, что мнѣ органически противна всякая ложь»...

Полковникъ, видимо, началъ волноваться и пріостановился на минуту; вѣки у него дрогнули и не успѣвшая сдержаться слезинка быстро упала на сѣдые усы. Старикъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ разсказъ уже съ замѣтной тоской:

«А примѣшивать неправду къ дорогому мнѣ имени моей Липочки было-бы для меня просто кощунствомъ... Больше года прошло съ окончанія войны и я, по указанію докторовъ, уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ одинъ изъ самыхъ крупныхъ нашихъ южныхъ городовъ. Какъ-то, гуляя, забрался я на самую окраину города, кстати сказать, мѣстами удивительно напоминавшую собой сѣверную Болгарію.

«Вдыхая полной грудью чудный воздухъ ранней весны и любуясь какъ-бы знакомыми давно видами, я чувствовалъ себя превосходно. Но вскорѣ благодушно спокойное настроеніе было прервано отвратительной сценой, разыгравшейся на противоположной сторонѣ улицы.

«— Проваливай! проваливай! нечаго тутъ тебѣ околачиваться! Эдакая молодая да смазливая, а тоже... «Христа ради, подайте!». Знаемъ мы васъ: высмотришь, а опосля и стибришь! А въ отвѣтѣ я долженъ быть!—кричалъ, по всѣмъ признакамъ, дворникъ.

«Я оглянулся и увидалъ женщину, бѣдно, почти въ лохмотьяхъ одѣтую, державшую на рукахъ ребенка, опрятное и чистое платье котораго особенно замѣтнымъ пятномъ отдѣлялось отъ рваныхъ тряпокъ самой нищенки. Только что я собрался перейти улицу съ быстротой, доступной моимъ не совсѣмъ исправнымъ ногамъ, какъ раздражительный дворникъ грубо толкнулъ женщину. Та пошатнулась, сдѣлала два-три слабыхъ, невѣрныхъ шага и безпомощно опустилась на панель, а до меня невнятно долетѣлъ не то подавляемый крикъ, не то болѣзненный стонъ.

«Я поторопился подойти къ нищей, опасаясь, что она можетъ выронить изъ ослабѣвшихъ рукъ на камни ребенка.

«На мой вопросъ: не ушиблась-ли она?—я услыхалъ тихое-тихое: «помоги-и-те!.. реб...не»...—дальше просьба выливалась въ какой-то придавленный лепетъ, разобрать который было невозможно. Не хочу таиться и открыто сознаюсь, что это безпомощное, какъ-бы пришибленное «помогите» ударило мнѣ въ сердце больнѣе того призывного крика о помощи, на который такъ стремительно бросился мой покойный старшій унтеръ-офицеръ.

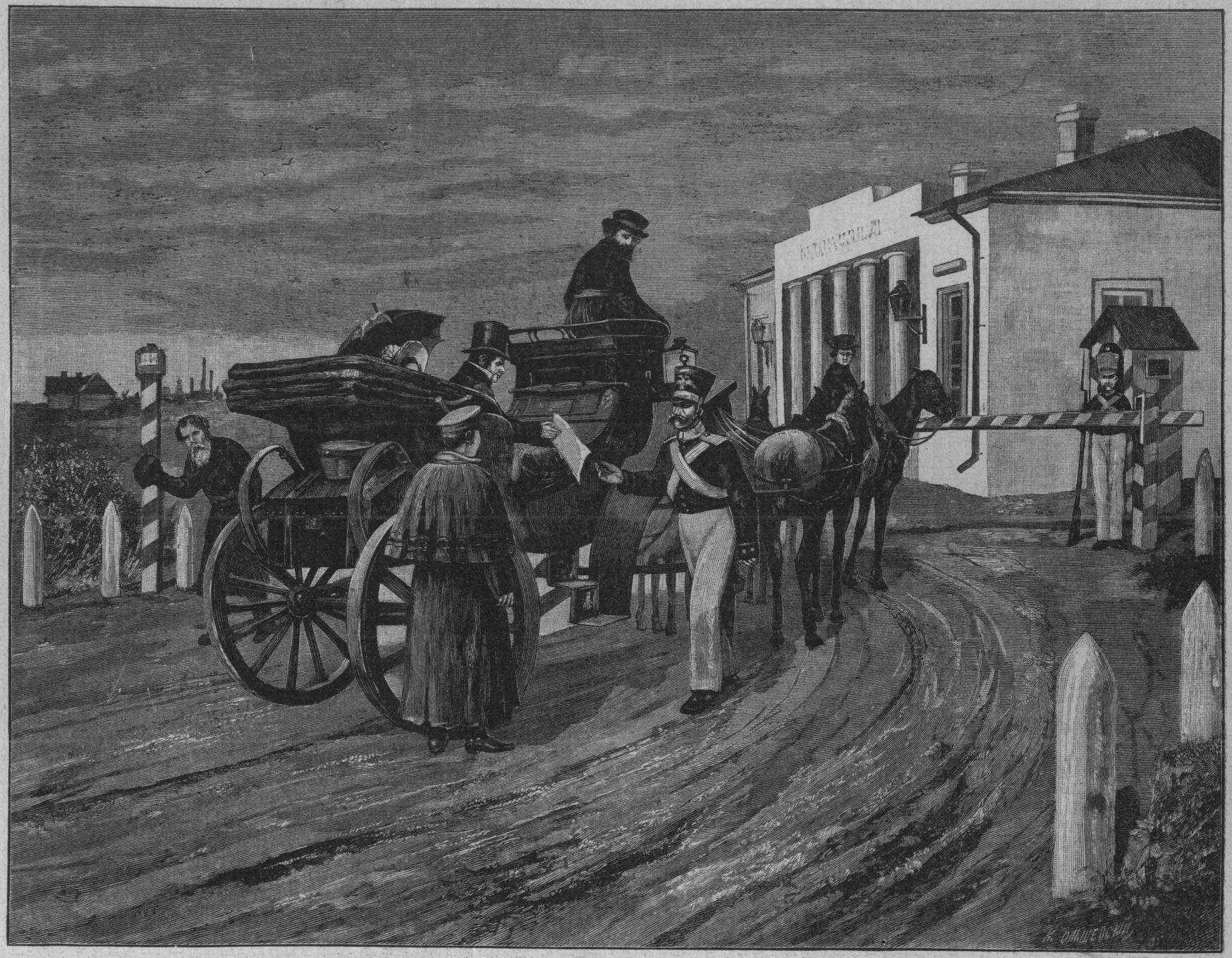
«Я досталъ бумажникъ и готовился дать несчастной, что могъ, но въ это время она, видимо, преодолѣвая боль и стыдъ, подняла голову и уже съ нѣмой мольбой взглянула на меня. Упоминая о смазливости, грубый дворникъ грубо сказалъ правду. Лицо нищей было прекрасно по своей красотѣ, но изо всего этого лица казались живыми только лихорадочно горѣвшіе глаза да два ярко-красныхъ пятна на щекахъ. Остальное носило на себѣ мертвенный отпечатокъ и въ особенности безкровныя, ставшія уже синеватыми, губы.

«Пока я смотрѣлъ на нищую, я все болѣе убѣждался, что гдѣ-то видѣлъ ее, мало того, видѣлъ не разъ, можетъ быть, даже зналъ. Но, гдѣ и когда видѣлъ, память упорно отказывалась мнѣ подсказать.

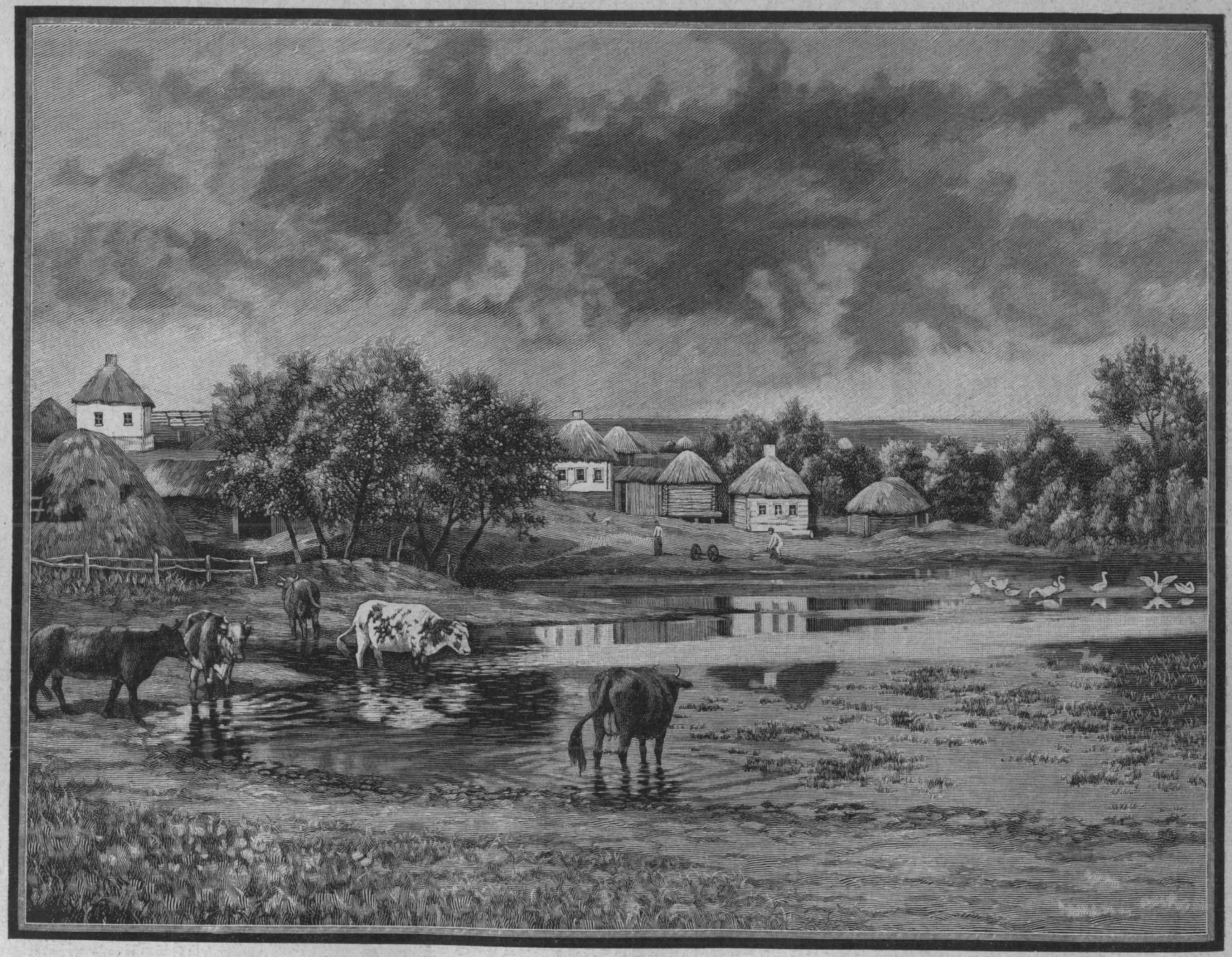
«— Скажите, пожалуйста, ваше имя?—попросилъ я.

«Красныя пятна еще сильнѣе заалѣли на щекахъ; бѣдная женщина, какъ подъ занесеннымъ мечемъ, опустила голову и еле слышнымъ голосомъ назвала свои имя и фамилію.

«Ужасъ и стыдъ охватили меня. Конечно-же, я ее зналъ. Это—жена, а теперь вдова унтеръ-офицера съ незлобивымъ лицомъ. Она была скромная женщина, съ хорошей душой, искренне любившая своего мужа; при его жизни ей, конечно, никогда и въ голову не могло придти, что она дойдетъ до такого убійственнаго по своей безвыходности положенія. Погибшій на войнѣ ея мужъ имѣлъ небольшую переплетную. Съ поступленіемъ на службу, онъ прикончилъ дѣло, отъ ликвидаціи котораго съ прежними сбереженіями получилась такая сумма, что при бережливомъ ея расходованіи можно было даже съ семьей скромно прожить года три, три съ половиной, т. е., весь срокъ обязательной службы. Жизнь облегчалась еще тѣмъ, что трудолюбивый унтеръ-офицеръ въ свободные часы продолжалъ переплетать и работалъ на полковую канцелярію, офицерскую библіотеку, на офицеровъ и ихъ знакомыхъ. Она



У ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЗАСТАВЫ ВСТАРИНУ. Оригин. рисун. **В. Зауерлендера;** гравир. для „Родины“ **К Ольшевскій.**



ПРЕДЪ ГРОЗОЙ. Съ картины **Н. Н. БУНИНА** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

тоже не любила сидѣть сложа руки и прибавляла къ мужнину заработку свой, какъ хорошая кружевница. Она была воспитонка и до замужества служила горничной въ казенномъ женскомъ институтѣ.

«— Видѣлъ-ли васъ докторъ? Вамъ сейчасъ-же надо ѣхать домой, лечь въ постель!—довольно наивно посовѣтывалъ я.

«Какъ-будто еще болѣе сжавшись и не подымая головы, несчастная, черезъ силу произнося слова, прошептала:

«— Некуда! сегодня изъ угла выгнали! Я ничего... ребенокъ!.. «И, точно маленькое, прижатое къ груди существо было единственной силой, ею управлявшей и ее подерживавшей; она подняла глаза и смѣлѣе взглянула на меня. Судорога перекосила ея измученное лицо, испуганный, недоумѣлый взглядъ такъ и застылъ и она, кашляя съ отдѣленіемъ кровяныхъ сгустковъ, все повторяла:

«— Баринъ! нашъ ротный! Господи! Господи, срамъ какой!

««Да! да!—пронеслось у меня въ головѣ:—срамъ! дѣйствительно, срамъ... но не ей, а мнѣ, и срамъ вдвойнѣ. Я-же былъ посаженнымъ отцомъ у нихъ, да, сверхъ того, какъ мнѣ нерѣдко передавали товарищи, меня въ ротѣ называли отцомъ-командиромъ. Хорошъ оказался и посаженный, и отецъ-командиръ!»

«Однако, тратить время на размышленія и позднія соболѣзнованія не приходилось; я послалъ за крытой пролеткой того-же грубаго дворника, ставшаго послѣ моего внушенія расторопно-услужливымъ.

«Не мало былъ пораженъ весь персоналъ меблированныхъ комнатъ моему возвращенію въ такомъ, какъ служащимъ казалось, неподходящемъ ко мнѣ обществѣ. Впрочемъ, очень скоро все устроилось; нашлась сухая, теплая и спокойная комната, а старушка-хозяйка, оказавшаяся доброжелательнымъ человѣкомъ, вызвалась сама помочь устроиться бѣдной женщинѣ по части приведенія въ порядокъ гардероба. Когда новая жилица поуспокоилась, къ ней былъ призванъ одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ докторовъ»...

— Позвольте,—не сдержался одинъ изъ слушателей,—извините, что перебиваю, но рѣшительно не могу понять, чего вамъ было стыдиться?

— Н-да?—протянулъ грустно полковникъ,—чего стыдиться?—и продолжалъ съ несвойственной ему горячностью:—о раненыхъ въ ротѣ я и принявшій отъ меня роту знали, что они, такъ или иначе, всѣ были устроены, а объ убитыхъ позабыли, похороненъ и конецъ! И выходило по поговоркѣ: на глазахъ милъ, съ глазъ долой и изъ сердца прочь... Жестокая поговорка... А, между тѣмъ, убитыхъ было куда меньше раненыхъ и собрать въ каждой ротѣ свѣдѣнія о дорогихъ покойнымъ лицахъ иногда съ трудомъ, а все-же было возможно. То-то и бѣда, что у насъ и на помощь бываетъ мода. Прошелъ модный сезонъ, и стремленій помогать будто и не бывало! Послѣ перваго-же визита докторъ мнѣ сказалъ, что у больной уже надтреснутый организмъ и что дни ея, какъ принято говорить, сочтены...

«Однако, я успѣлъ узнать, какъ она дошла до того бѣдственнаго состоянія, въ какомъ я ее встрѣтилъ. Обыкновенная исторія. Вскорѣ по смерти мужа она захворала, а раньше еще ребенокъ. Болѣзнь съѣла сбереженія. Съ ребенкомъ на рукахъ много не наработаешь. Повсюду искала она возможнаго, подходящаго труда—ничего не выходило. Наконецъ, пошла къ начальницѣ института, гдѣ служила раньше. Но взять въ институтъ съ ребенкомъ почему-то оказалось не выполнимымъ, и начальница, помогши ей немного деньгами, дала письмо къ своей пріятельницѣ, помѣщицѣ пригороднаго имѣнія того города, гдѣ я отдыхалъ. Помѣщицы не оказалось въ имѣніи, она была за границей, и вдова унтеръ-офицера была выброшена злой судьбой на улицу...

«Когда я узналъ о неизбѣжности печальнаго окончанія болѣзни, я невольно началъ думать: что-же станется съ ребенкомъ, который не сегодня—завтра будетъ круглой сиротой? Въ тогдашнее пріютское счастье я не очень-то вѣрилъ. Подыскать надежныхъ частныхъ лицъ въ малознакомомъ городѣ тоже было не такъ-то легко. Задачу разрѣшила сама больная. Она, въ противоположность большинству чахоточныхъ, не увѣряла себя въ долголѣтіи и въ одно изъ моихъ посѣщеній сказала, пытливо смотря мнѣ въ глаза:

«— Теперь умирать не страшно будетъ! потому, такъ мнѣ думается, не оставите вы сиротинки моей.

«Черезъ нѣсколько дней обиженную жизнью и людьми страдалицу похоронили. Въ числѣ ея обидчиковъ я считалъ и себя, поэтому мнѣ надо было точно выполнить желаніе покойной.

«Подыскалъ я няньку и взялъ ребенка себѣ. Вскорѣ я возвратился въ свой родной городъ и потерпился удочерить Липочку.

«Замѣчательно, что со времени поселенія у меня ребенка я уже ни разу не видѣлъ погибшей дѣвочки-турчанки. Я старался объяснить причину прекращенія своеобразныхъ сновидѣній, и мнѣ иногда приходило въ голову, что заботы о Липочкѣ—не моя заслуга, а всецѣло принадлежатъ мученически погибшей на штыкѣ, ни въ чемъ неповинной жертвѣ войны и она, научивъ меня интересоваться ранѣе мнѣ непонятнымъ дѣтскимъ міромъ и спасши отъ нищеты тоже неповинную жертву, успокоилась и перестала являться... Всѣмъ меня знающимъ извѣстно, какой чудный, добрый и умненькій ребенокъ была Липочка. Много самыхъ чистыхъ радостей видѣлъ я изъ-за нея, она скрасила мою одинокую жизнь, сдѣлала ее осмысленнѣй и никогда я не думалъ, что судьбѣ угодно было-бы, чтобы я пережилъ самое дорогое для меня существо, которое поистинѣ любилъ, какъ отецъ... А знаете, на кого походила Липочка? Она была вылитый портретъ своей покровительницы—дѣвочки-турчанки, будто сестры-близнецы. Скажутъ, случайное совпаденіе? Можетъ быть! Но для меня оно представляется и загадочнымъ, и знаменательнымъ. Я часто послѣ ея смерти вижу Липочку во снѣ и эти сны, конечно, меня не смущаютъ, но иногда я вижу мою дѣвочку въ турецкомъ костюмѣ, хотя при жизни она въ такомъ никогда не ходила. И, когда она кажется одѣтой въ иноплеменное платье, въ головахъ у нея какъ-бы витаетъ неясный, но радостный обликъ дѣвочки-турчанки. Что это такое? Простое-ли отъ перенесеннаго горя разстройство нервовъ, или указаніе, что лишь въ неизвѣстномъ, загробномъ мірѣ мыслимы равенство и отсутствіе вражды?

КОНЕЦЪ.

Между жизнью и смертью.

Разсказъ **Н. Д. Старостина.**

ПЕЧКУРОВЪ только что вернулся въ свою студенческую, не блиставшую комфортомъ, комнату послѣ послѣдняго экзамена, который онъ сдалъ блестяще. На лицѣ его, сквозь недомоганіе, явившееся слѣдствіемъ ряда почти безсонныхъ ночей, сквозила радость успѣшнаго окончанія ученія. Наконецъ-то, всѣ эти трудные годы прошли; недаромъ у него есть бумага, гласящая, что обладатель ея—кандидатъ университета!.. Да, все это лучше, чѣмъ хорошо; только одно скверно, скверно то, что онъ чувствуетъ себя простудившимся: ознобъ, въ вискахъ стучитъ, общее недомоганіе всего тѣла. Ну, да ничего. Скоро предстоитъ радостная встрѣча, скоро обниметъ онъ свою старушку-матушку и ее, его Надюшу, это прелестное созданіе, о которомъ такъ много, много передумано... Сколько счастья ожидаетъ его впереди!.. Ахъ, поскорѣй-бы, поскорѣй!.. Да нѣтъ, невозможное—невозможно; вѣдь, еще нужно ѣхать на югъ, туда, гдѣ лозы винограда красуются въ лучахъ солнца, гдѣ кипарисы поднимаютъ къ небу свои готическіе стволы...

— Можно?..—слышитъ Печкуровъ стукъ въ двери.

— Можно, можно...

Вошелъ Ядринцевъ. Ядринцевъ, это — частица души Печкурова, этотъ человѣкъ словно органически сросся съ нимъ въ долгіе годы ученія. Они—однокашники, однокурсники. Сегодня и онъ, Ядринцевъ, окончилъ экзамены.

— Ну, что, Коля? — спросилъ вошедшій.

— Плохо... въ глазахъ рябитъ.. дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу...

— Гм...

Пауза.

— Знаешь, Валя: положи меня въ больницу, это, пожалуй, будетъ лучше... А то...

— Молчи... молчи... Хорошо...

На жесткой больничной койкѣ, пылая тифознымъ жаромъ, разметался больной. Повременамъ онъ приходитъ въ себя—и ему словно страшнѣй еще дѣлается въ этомъ здравомъ состояніи памяти. На югъ давно уже послана горестная телеграмма. Ядринцевъ почти ночуетъ въ больницѣ, благодаря пропускному билету, который выпросилъ онъ у старшаго доктора.

Плохо, плохо...

— Умру, Валя... — шепчетъ больной.

— Молчи... не можетъ быть этого... еще кризисъ не наступилъ... будетъ къ лучшему...

— Скоро пріѣдутъ онѣ?..

— Жду каждую минуту...

— Нѣтъ, нѣтъ... умру.. не дождусь ихъ...

И больной опять впадаетъ въ бредъ...

И кажется, и слышится ему.

Вотъ съ запада несется сплошная черная съ бурымъ отливомъ туча; вся природа словно присмирѣла подъ ея гнетомъ:

ничто не шелохнетъ, не дрогнетъ, не звякнетъ, словно все застыло въ какомъ-то страшномъ ожиданіи... Но вотъ этотъ черный сводъ зигзагомъ прорѣзала бѣлая, блестящая молнія — и на мигъ все окрасилось, облилось ослѣпительнымъ блескомъ и вслѣдъ затѣмъ, какъ крикъ этой возмущенной стихіи, громыхнулъ громъ—и дрогнуло все въ природѣ; гулкое эхо пронеслось изъ края въ край и, словно сдавленное, умерло гдѣ-то далеко... Дунулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ; жалобный свистъ его, какъ крикъ шакала, непріятно отозвался на напряженныхъ нервахъ Печкурова. Сильный ураганъ смерчемъ закрутился въ воздухѣ, какъ циклонъ, все поражая на пути своемъ. Страшно свистя, порывисто вздрагивая всѣмъ своимъ крутящимся тѣломъ, несся онъ прямо на больного и, казалось, вотъ-вотъ пожретъ его, закрутитъ въ своей бѣшеной пляскѣ — и ничего не останется отъ этой живой надежды: и мечты, и труды ученія, и молодая жизнь, все прощай навѣки!.. «Смерть, смерть, это — ея приближеніе», — проносится въ воспаленномъ мозгу Печкурова... И несшій смерть ураганъ вдругъ разсыпался предъ нимъ, засыпавъ окружность всѣмъ тѣмъ, что вертѣлось въ его могучей пляскѣ... И видитъ больной, какъ блеснуло въ воздухѣ что-то блестящее, холодное, какъ полоса стоячей воды въ лучахъ луны... блеснуло... и все посыпалось, повалилось: столѣтнія деревья, вывороченныя съ корнями изъ земли, рухнули и превратились въ прахъ... Стонъ идетъ какой-то; гулъ невообразимый... Вотъ опять блеснула эта холодная блестящая полоса уже ближе,—и гдѣ-то близко послышался мучительный плачъ, рыданія огласили окрестность... И вдругъ Печкуровъ увидѣлъ предъ собой страшное явленіе... Предъ нимъ стоялъ, страшный въ наготѣ своей, скелетъ: бѣлый саванъ его бился въ вихрѣ вѣтра, обнажая длинныя грязно-желтыя кости своего безобразнаго обладателя... На тонкомъ шейномъ позвонкѣ держалась страшная костяная голова; злая улыбка скривила эти голые ненасытные, острые зубы; въ пустыхъ глазныхъ впадинахъ черепа зловѣще курилось что-то дымное, похожее на сѣру... Въ костлявой рукѣ этого скелета блестѣла смертоносная коса, острая, не притупляющаяся отъ вѣка, все поражающая каждую секунду... Но вотъ открылся этотъ безобразный голой ротъ и тлетворнымъ вѣяніемъ вылетѣли слова скелета, обращенныя къ содрогнувшемуся Печкурову: «Я — Смерть!.. Меня клянетъ все движущееся, живое... клянешь и ты, но я безстрастна ко всему въ своемъ могуществѣ... Я знаю, что все, что встрѣчается глазу твоему, все живетъ пока, будетъ время—и все это будетъ моимъ достояніемъ... Силѣ и злобѣ моей нѣтъ предѣла; ничто не въ состояніи задержать моего рокового шествія... Я терпѣлива, но и неумолима: жду долго, но придетъ моментъ — и не откупится отъ меня никто ни за какія сокровища... Ты долженъ вѣрить мнѣ—я всегда на глазахъ твоихъ доказывала силу свою: вспомни, сколько отняла я отъ тебя дорогихъ для тебя существъ, сколькихъ товарищей, во цвѣтѣ лѣтъ, пришлось похоронить тебѣ?.. Это все—моя воля!.. Никто отъ вѣка не уйдетъ отъ моего мщенія: ни юнецъ, ни красавица, ни бѣдный, ни богатый, ни властелинъ полусвѣта, всѣ найдутъ конецъ свой у меня... Вспомни: я рушила царства и буду рушить ихъ впередъ — и когда все рушу, буду одна царить на землѣ въ своемъ страшномъ величіи... Смотри, вотъ сила моя!..» И Смерть протянула свою костлявую руку, и больной увидалъ роскошный балъ; въ ярко залитомъ огнями залѣ, между гостями, мелькнула стройная, здоровая фигура молодой красавицы, хозяйки бала. И тлетворный голосъ Смерти продолжалъ: «Видишь эту красавицу? Она богата, она счастливая мать и жена; всѣ наслажденія земного бытія къ ея услугамъ; но вотъ наступилъ тотъ сладостный моментъ для меня, наступилъ и она—моя!..» Блестящая коса сверкнула въ воздухѣ — и красавица, какъ подкошенный колосъ, упала на дорогой паркетъ... Послышались вопли, рыданія, а безобразная Смерть, подъ стонъ скорби человѣческой, закружилась вокругъ мертвой въ своей бѣшеной пляскѣ...

И вдругъ свѣтлая полоса косы блеснула надъ головой Печкурова... Сердце его дрогнуло и онъ закрылъ глаза..

И кажется ему:

Вотъ востокъ блеснулъ червонной полоской восхода со нца; шире и шире расходится она по блѣдному небу, словно радуясь, словно улыбаясь всему встрѣчающемуся на пути своемъ. Вотъ порозовѣла эта полоска, расширилась, нижняя часть ея, обращенная къ горизонту, словно сверкнула и вспыхнула огненной змѣйкой... Разрумяниваясь, разгораясь, какъ молодая стыдливая красавица, побѣжала эта полоска далѣе и далѣе, розовя и золотя легкія ажурныя, чистыя, какъ греза ребенка, низкія облачка... Вотъ фонъ восточнаго неба подернулся позлащенной дымкой; чѣмъ ниже къ горизонту, тѣмъ позолота его дѣлалась все ярче и ярче... и вдругъ изъ-за горизонта, въ срединѣ этого позлащеннаго поля, блеснулъ, поднялся цѣлый снопъ искрящихся яркихъ лучей... Какъ мановеніемъ волшебнаго жезла, освѣтили они своимъ ласковымъ свѣтомъ утреннее небо; словно пронизали насквозь своей яркостью эти прозрачныя облачка, мягко обливъ ихъ огнемъ, какъ расплавленнымъ червоннымъ золотомъ... Минута — и «царь природы» глянулъ изъ-за горизонта своимъ верхнимъ краемъ, глянулъ и поднялся выше... выше и выше... и блистательные лучи его опалили землю, пробѣжали по ней свѣтовыми полосами во всѣ стороны, какъ искатели клада, все освѣщая на пути своемъ. Нѣтъ ни одного предмета, который-бы, глядя на это освѣщеніе, не освѣтился-бы самъ, словно отъ радости, улыбкой счастья... Ярко, ярко глядитъ красное солнышко на міръ Божій! Словно дорогая любящая мать поцѣловало оно свое дѣтище—землю, и улыбнулась ему земля и засвѣтилась улыбкой новорожденнаго дня...

Ярко, ярко...

Печкуровъ невольно зажмурился отъ этихъ опалившихъ зрѣніе его лучей, и, когда онъ вновь открылъ глаза, предъ нимъ стояла полная радости и сердечности молодая, прекрасная женщина... Вся она была гармонія красоты и трепетъ восторга... Складки ея бѣлой легкой, какъ тюль, одежды, красиво ниспадали съ широкоплечей груди внизъ, обрисовывая античные изгибы тѣла. Голова ея была открыта: свѣтлые волосы легкимъ каскадомъ огибали высокій классическій лобъ и прихотливой, вольной волной сбѣгали внизъ по могучимъ, словно вылитымъ изъ гипса, плечамъ до таліи. Во всей фигурѣ этой красавицы дышали радостное здоровье и крѣпкій духъ своего могущества. Вотъ она глянула своими большими голубыми, глубокими, какъ сама небесная лазурь, глазами на все окружающее — и въ мигъ все это оживилось, получило движеніе. Вотъ она остановила эти чудотворные глаза на Печкуровѣ — и по его тѣлу электрической искрой пробѣжало обновленіе: словно очарованный, словно побуждаемый какой-то сверхъестественной силой, вперилъ онъ свои блестящіе надеждой и освѣтившіеся радостью глаза на эту богиню. Вотъ ея красиво очерченныя, смугло-красныя, какъ кораллъ, губы дрогнули, и до ушей больного, словно напѣвъ райской птицы, живительныя, какъ бальзамъ, чистыя, какъ капли росы на листкѣ, долетѣли слова:

— Радуйся моему свѣтозарному приходу, — говорила эта чудная богиня. — Я — Жизнь: мое я — во всемъ, что растетъ и движется. Велико царство мое! Нѣтъ числа на языкѣ человѣческомъ всѣмъ живущимъ, движущимся существамъ, въ которыхъ я пребываю! По волѣ Создателя, отъ движущагося атома до слона величиною и отъ комара до человѣка по разуму, все подвластно мнѣ, все живетъ по моей волѣ... Всѣмъ имъ я даю наслажденіе!.. Умѣй только каждый любить меня, бояться меня, жалѣть меня—и будетъ счастливымъ; счастье каждаго находится въ довольствѣ мною: кто любитъ меня, какая-бы я ни была для него, тотъ и счастливъ, того и я люблю; и царство мое для человѣка безконечно. Не сомнѣвайся въ словахъ моихъ: сомнѣвающійся не знаетъ меня такъ, какъ долженъ знать меня вѣрующій... Вотъ видишь на ладони моей зерно? Смотри, я дуну — и вотъ изъ него цвѣтокъ!.. Такова и во всемъ сила моя... На, возьми себѣ на память о вѣчно живой жизни этотъ цвѣтокъ... Я создана Богомъ Живымъ для радости и наслажденія всего живущаго; посмотри какъ, радостно и довольно мною, отъ сорной былинки до вѣнценосной пальмы все трепещетъ красотою и радостью въ моемъ присутствіи... Благодари и ты Бога, сотворившаго меня, и люби меня вовѣки!..

И эта мощная красотой и здоровьемъ Жизнь нагнулась къ лежавшему въ какомъ-то радостномъ оцѣпенѣніи Печкурову и звонко поцѣловала его въ его запекшіяся губы, и поцѣлуй ея словно влилъ живительный елей въ его тѣло: онъ оживился, потянулъ къ ней руку, въ которой крѣпко сжималъ сочный стебель цвѣтка, даннаго ему Жизнью, и проснулся...

И слышитъ больной чьи-то знакомые голоса, и видитъ дорогія ему лица...

— Теперь я могу за него поручиться: кризисъ миновалъ къ лучшему... — слышитъ, словно сквозь какой-то туманъ, Печкуровъ знакомый голосъ доктора. — Будьте покойны — будетъ живъ... Только лишняя радость опасна ему... Уйдите пока...

— Слава Богу!.. — облегченно проговорили заразъ три голоса.

Эти голоса узналъ проснувшійся: они были ему дороже всего на свѣтѣ — это говорили его мать, его Надюша и его Ядринцевъ...

«Слава Богу»... — подумалъ и Печкуровъ.

КОНЕЦЪ.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

АРСЕНІЙ старался найти настоящую дорогу, но это ему не удавалось. Рѣзкій свѣтъ электрическаго фонаря у трамвая вывелъ ихъ изъ лѣса. Гостомыжскій взялъ коляску, стоявшую у ограды, и они отправились.

— Когда-же теперь мы съ вами снова встрѣтимся? — несмѣло спросилъ Арсеній свою спутницу, когда они доѣхали до Лакена.

— Завтра, завтра тамъ-же, — прошептала Кончетта и князь почувствовалъ, какъ ея руки охватили его шею и дѣвушка беззвучно его поцѣловала.

Ошеломленный, онъ хотѣлъ схватить ее въ свои объятія, но она ловко увернулась отъ него и вбѣжала въ домъ.

— До завтра! — услышалъ Арсеній голосъ итальянки и, не помня себя, вскочилъ въ ту-же коляску и велѣлъ везти себя домой.

Ему казалось, что для него открылся какой-то чудный рай, все прошлое, минувшее представлялось князю чѣмъ-то далекимъ, туманнымъ и совершенно для него чуждымъ. Онъ понялъ, что полюбилъ...

X.

Новое, до сихъ поръ чуждое молодому человѣку чувство охватило его, какъ пламя, внезапно, сразу, отняло отъ него волю, свободную мысль. Онъ не размышлялъ, откуда, какъ пришла эта любовь, достойна-ли Кончетта ея, что будетъ послѣ, долго-ли она продлится? Всѣ эти вопросы были безполезны для Арсенія.

До этого прощальнаго поцѣлуя онъ мучился этимъ новымъ ощущеніемъ близости молодого женскаго существа, ему было одновременно пріятно какъ-то жутко отъ этой близости, однако, онъ все-же чувствовалъ себя свободнымъ; зато поцѣлуй Кончетты, точно молотокъ кузнеца, сковалъ звено невидимой цѣпи между нимъ и дѣвушкой.

Гостомыжскій не думалъ, любитъ-ли она его такъ же, какъ онъ ее; его сердце съ этой минуты всецѣло принадлежало этой уличной пѣвицѣ, этой дочери простого придверника въ гостиницѣ, не брезгавшаго приписывать излишнія деньги въ счета постояльцамъ. Какое дѣло молодому человѣку до всего этого? онъ любилъ эту рѣзкую по манерамъ, малообразованную, наивную дочь народа и ради взгляда ея глубокихъ глазъ готовъ былъ совершить самую большую глупость на свѣтѣ.

Такъ долго стоявшее въ темномъ погребѣ дорогое вино рветъ бутылку, едва только его вынесутъ на свѣтъ Божій.

Страсть захватила Гостомыжскаго всего; одинъ въ чужой для него странѣ, безъ нравственной поддержки кого-либо, онъ не въ силахъ былъ бороться съ нею. Безъ жизненнаго опыта, безъ совѣта друга, нужно имѣть очень твердый характеръ, чтобы выйти побѣдителемъ изъ борьбы, но у Арсенія послѣдній далеко еще не установился, и онъ погибъ въ борьбѣ съ самимъ собою, съ мятежнымъ порывомъ весны жизни, съ обаятельною силою настоящей весны, женской прелести и присущаго ей кокетства.

Начатое вчера письмо къ бабушкѣ насмѣшливо бѣлѣло на письменномъ столѣ князя, когда онъ, полный охватившаго его молодого счастья, будто ворвался въ свою комнату. Онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать, но не могъ ни на минуту забыться, сонъ бѣжалъ отъ него. Предъ нимъ, какъ живая, стояла Кончетта, ея веселый смѣхъ князь слышалъ каждую минуту, ея поцѣлуй горѣлъ на его губахъ. И сегодня письмо бабушкѣ не было написано.

Разбитымъ, точно послѣ борьбы, всталъ Арсеній на другой день, заснувъ только на какіе-нибудь два часа.

— Сегодня я съ нею объяснюсь, — повторялъ онъ самъ себѣ, одновременно сознавая, что никакого объясненія не требуется: поцѣлуемъ все было объяснено.

Если наканунѣ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго свиданія, то сегодня его буквально трясла лихорадка ожиданія; онъ мучился остающимся до назначеннаго часа временемъ и, едва часы пробили пять, какъ Арсеній отправился на площадь Конгресса.

Совсѣмъ иначе ожидала этой минуты итальянка. Утромъ, послѣ завтрака, въ восемь часовъ, она спокойно объявила отцу, что не пойдетъ сегодня съ нимъ по городу.

— Это почему? — изумленно спросилъ Джузеппе.

— Дѣло есть съ однимъ русскимъ, — спокойно отвѣтила дочь.

Старый шарманщикъ насмѣшливо покачалъ головою.

— Смотри, не ошибись, какъ тогда въ Лиллѣ, тоже съ русскимъ.

Кончетта холодно взглянула отцу въ глаза.

— Довольно одного раза дурой быть, на второй разъ поумнѣла!

— Ну, то-то, то-то, Кто онъ такой?

— Говоритъ, что князь, но не знаю, правда-ли; справься, отецъ, въ Манжелѣ, онъ тамъ живетъ.

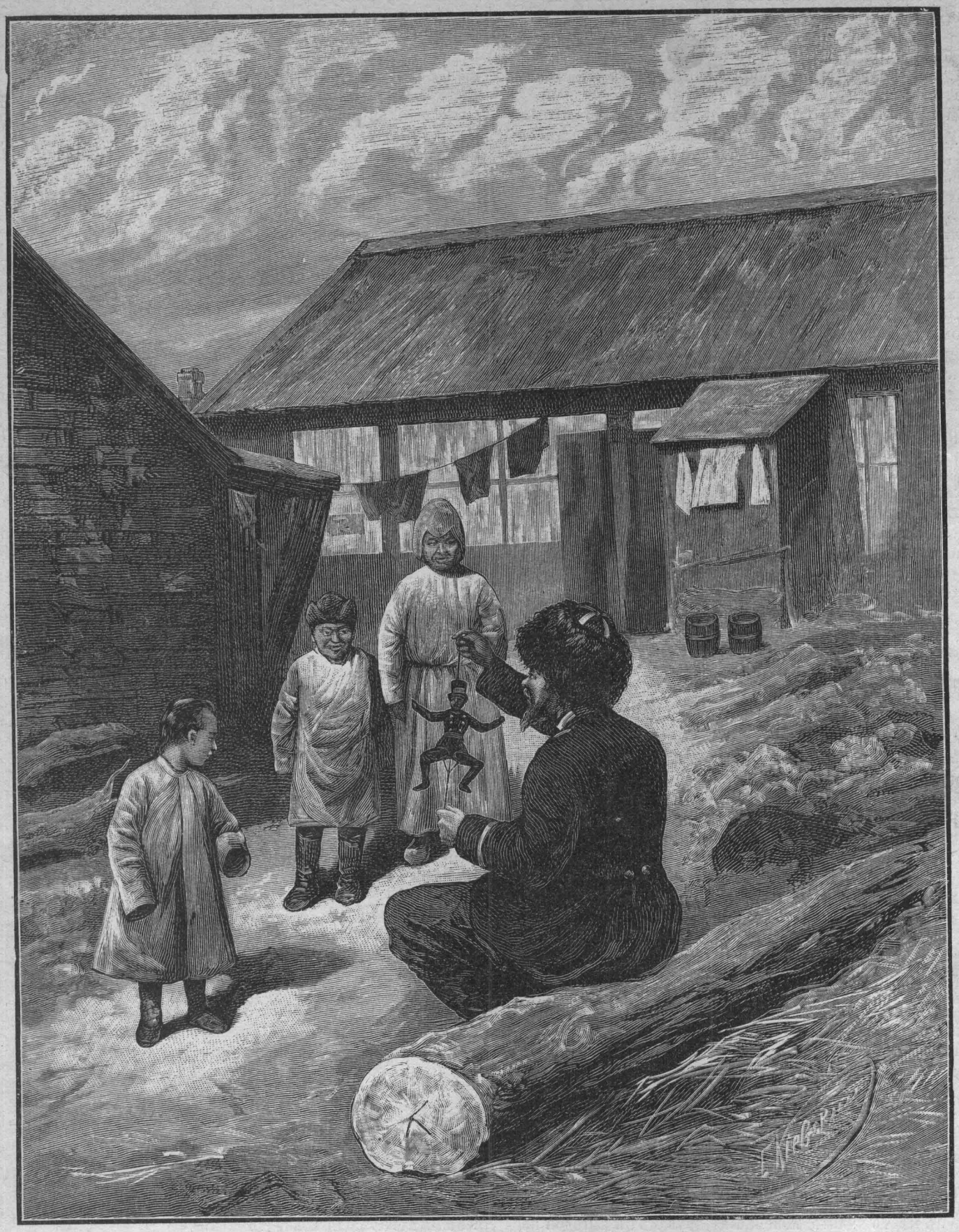
— Ладно, спрошу. Желаю успѣха, дочка, — хладнокровно проговорилъ итальянецъ и тотчасъ покатилъ свою телѣжку со двора.

Оставшись одна, Кончетта достала съ полки старыя обтрепанныя карты и стала сосредоточенно гадать на нихъ. Густыя брови дѣвушки нѣсколько разъ сжимались, когда она замѣчала расположеніе картъ, но, наконецъ, видимо, онѣ расположились благопріятно, и итальянка весело захлопала въ ладоши и засмѣялась.

— Деньги, деньги! — восторженно воскликнула гадальщица и, собравъ карты, бережно спрятала ихъ въ ящикъ комода.

Маленькая комната, занимаемая шарманщикомъ съ дочерью, выглядѣла очень грязною. Немытыя послѣ вчерашняго ужина тарелки стояли на комодѣ; тутъ-же помѣщались стоптанные красные башмаки дѣвушки, трубка старика съ кисетомъ. Вчерашнее шелковое черное платье было небрежно брошено на спинку стула, сама-же итальянка въ темной фланелевой юбкѣ и шерстяномъ платкѣ, повязанномъ вокругъ торса, съ растрепанными волосами, немытая, прозаически чистила картофель отцу на ужинъ. Ея смуглое лицо смотрѣло серьезно, она обдумывала сегодняшніе планы и въ то время, какъ Арсеній мучился отъ внезапно вспыхнувшей къ ней любви, Кончетта ни на минуту не забыла своихъ расчетовъ. Она сознавала свою силу и была довольна тактикою вчерашняго вечера.

— Какъ поступить съ нимъ сегодня? — замѣтила про себя дѣвушка, — жаль, что отецъ не можетъ справиться о немъ раньше вечера. Заставить ждать снова? едва-ли это будетъ благоразумно, онъ можетъ измѣниться, такіе люди, какъ онъ, едва-ли долго постоянны. А если титулъ его вымышленъ, если всѣ разговоры объ его богатствѣ окажутся басней, что



КАЗАКЪ-ЗАБАВНИКЪ. Оригин. рисун. **С. Животовскаго;** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**

тогда? Этимъ русскимъ трудно вѣрить, въ Лиллѣ обманулъ-же меня русскій. Погадаю еще.

И суевѣрная дочь Италіи снова прибѣгла къ помощи картъ, чтобы узнать правду.

— Сошлись, сошлись! — какъ-то радостно захлебываясь, закричала Кончетта: — онъ не лжетъ.

И, не желая терять время, дѣвушка поспѣшно стала одѣваться.

Ей пришла въ голову мысль пойти къ Гостомыжскому самой въ отель и спросить, здѣсь-ли живетъ князь? Тогда всѣ сомнѣнія исчезнутъ и она будетъ знать, какъ ей поступить.

Черезъ полчаса она была уже на Королевской улицѣ въ гостиницѣ Манжель.

На ея вопросъ объ Арсеніи, отвѣтъ былъ удовлетворительный, молодой русскій не солгалъ.

— Превосходно! — довольная своею выдумкою, прошептала итальянка и стала подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась комната молодого Гостомыжскаго.

Сердце Кончетты билось спокойно, она вѣрно шла къ своей цѣли.

XI.

Арсеній, задумавшись, смотрѣлъ въ окно на улицу, когда легкій шумъ въ дверь заставилъ его произнести обычное „войдите“. Предполагая, что въ комнату вошелъ лакей, князь медленно обернулъ голову и невольно вскрикнулъ отъ изумленія:

— Вы... Кончетта!

Онъ бросился къ молодой дѣвушкѣ и, не помня себя отъ счастья, обнялъ ее за плечи.

Печальный видъ итальянки, ея молчаніе образумили князя; онъ испуганно спросилъ:

— Кончетта, что съ вами? говорите-же.

Дѣвушка тихо опустилась на стулъ, прошептавъ:

— Боже, какъ я несчастна?

— Да говорите-же, говорите-же!..

— Синьоръ принчипе *), отецъ прогналъ меня за то, что я вчера поздно пришла домой. — Въ голосѣ Кончетты послышались слезы. — Куда я дѣнусь теперь, несчастная?

— Куда? а развѣ здѣсь, у меня, вы не дома? — горячо проговорилъ молодой человѣкъ.

Дѣвушка вскрикнула и бросилась на шею Арсенію.

— Я знала, что ты меня любишь, — незамѣтно перешла она съ „вы“ на „ты“, — что здѣсь у тебя я найду пріютъ!

— Дорогая, ты не могла сомнѣваться въ этомъ. Развѣ ты не прочитала этого еще вчера въ моихъ глазахъ?

Кончетта страстно обняла Арсенія.

— Я тебя тоже полюбила съ первой встрѣчи, съ перваго взгляда. Судьба свела насъ съ тобой для счастья.

*) Господинъ князь.

— Кончетта, моя радость, моя жизнь! — шепталъ Арсеній, не выпуская изъ своихъ объятій дѣвушки.

Въ эту минуту онъ забылъ все, ничего прошлаго для него не существовало. Онъ упивался своею любовью, стихійной силою, вырвавшей его изъ тихой пристани, гдѣ онъ до сихъ поръ находился, и властно вынесшей его въ открытое бурное море страсти, увлеченія, поцѣлуевъ, ревности и безумствъ. Даже сама итальянка отдалась этому порыву нахлынувшей страсти, позабывъ о своихъ расчетахъ, вся трепещущая, млѣющая подъ его поцѣлуями.

Часа черезъ два она уходила отъ Арсенія.

— Я все-таки должна сказать отцу, гдѣ я нахожусь, хотя онъ и сердитъ на меня, но все-же будетъ безпокоиться, — сказала дѣвушка.

— Но ты вернешься? — спросилъ князь, и въ голосѣ его послышалась тревога.

Кончетта усмѣхнулась.

— Развѣ я могу не вернуться къ тебѣ? — значительно произнесла она, — жди меня скоро, скоро! — и она быстро стала спускаться съ лѣстницы.

Гостомыжскій нѣсколько времени оставался неподвижнымъ у двери комнаты, затѣмъ подошелъ къ окну и, отворивъ его, сталъ слѣдить за итальянкой, шедшей по улицѣ направо. Затѣмъ онъ вызвалъ управляющаго и сказалъ:

— Ко мнѣ пріѣхала родственница, ей нужна отдѣльная комната, если возможно, то рядомъ съ моею.

Когда Арсеній говорилъ это, ему казалось, что управляющій насмѣшливо его слушаетъ и Арсеній, отдавая приказаніе, старался не глядѣть на него. Привычка никогда не лгать была усвоена княземъ съ малыхъ лѣтъ, бабушка въ особенности объ этомъ заботилась, а потому эта необходимая ложь жгла губы князя, покрывала румянцемъ стыда его щеки. Въ самомъ отвѣтѣ управляющаго ему чудилось сомнѣніе, и князь былъ радъ, когда разговоръ объ этомъ былъ оконченъ.

Уйти изъ дома онъ былъ не въ состояніи. Здѣсь все напоминало ему о недавнемъ присутствіи Кончетты... онъ закрывалъ глаза, представлялъ ее предъ собою.

„А что если она меня обманула и не вернется обратно?“ — мелькнула мысль въ его разстроенномъ воображеніи. — Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, послѣ такого доказательства любви ко мнѣ, которое она проявила сейчасъ!“ — старался онъ затѣмъ разсѣять свои опасенія.

Но, тѣмъ не менѣе, сомнѣнія терзали впечатлительнаго молодого человѣка, онъ блѣднѣлъ при каждомъ боѣ часовъ, пытливо поглядывая на дверь комнаты.

Между тѣмъ, Кончетта чуть не бѣгомъ спустилась мимо Ботаническаго сада къ станціи Сѣверной желѣзной дороги. Она знала, что въ это время старый Джузеппе со своею шарманкою находится здѣсь.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Съ ярмарки. (Къ рис. на стр. 673.) Барышники, торгующіе лошадьми, переѣзжаютъ изъ одного города въ другой, чтобы въ одномъ мѣстѣ купить коней, а въ другомъ съ выгодой продать ихъ. Этому торгу способствуютъ ярмарки, устраиваемыя въ разныхъ городахъ и въ разное время, что даетъ возможность барышникамъ прекрасно устраивать свои дѣла тѣмъ, что въ промежутокъ между ярмарками они могутъ негодную лошадь подвыкормить, подгладить и въ слѣдующую ярмарку продать ее съ барышемъ. На рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 673 этого номера журнала, изображены барышники, только что купившіе новыхъ лошадей и теперь возвращающіеся съ ярмарки къ себѣ домой, чтобы тамъ заняться шлифовкой купленнаго товара для новой ярмарки.

Въ боярскомъ саду весною. (Къ рис. на стр. 681.) Появились цвѣты. Разноцвѣтные бутоны ихъ, распустившись, мелькаютъ повсюду — и среди травы, и у стволовъ деревьевъ. А послѣднія тоже всѣ въ цвѣту. Словно снѣгомъ, покрыты они бѣлыми цвѣтами, среди которыхъ кой-гдѣ чуть видна свѣжая зеленая листва. Хорошо весной въ саду. Ароматъ кругомъ,

Сканирован редуктором rutracker.org

дышится легко. А воздухъ! Какъ онъ манитъ къ себѣ! не хочется уйти отъ этой благодатной, полной жизни природы. Вышли въ свой садъ боярышни. Это—любимая прогулка ихъ послѣ зимней замкнутой теремной жизни. И боярышни рады, рады и весеннему яркому солнцу, и этимъ пышно распустившимся цвѣтамъ.

У петербургской заставы встарину. (Къ рис. на стр. 687.) Въ доброе старое время, когда Петербургъ не былъ связанъ желѣзными дорогами, единственными путями сообщенія съ нимъ были рѣки да столбовыя дороги, или почтовые тракты. На послѣднихъ у столицы были поставлены заставы, у которыхъ дежурили военные караулы. На нашемъ рисункѣ и изображена одна изъ заставъ въ тотъ моментъ, когда помѣщичій дорожный экипажъ остановился у ея закрытаго полосатаго шлагбаума и дежурный солдатъ безъ ружья, завидя подъѣхавшихъ, восклицалъ: «Стой! Позвольте спросить: откуда и куда изволите ѣхать?». На этотъ опросъ проѣзжій отдавалъ свой письменный видъ и шелъ расписываться въ книгѣ. Послѣ этой формальности, солдатъ командовалъ часовому съ ружьемъ: «Бомъ... двысь!», тотъ поднималъ шлагбаумъ, и экипажъ въѣзжалъ въ предѣлы столицы. Живущіе въ окрестностяхъ дачники избѣгали этихъ формальностей, говоря обыкновенно: «съ дачи!», и пропускались безпрепятственно. Въ настоящее время еще сохранились кое-гдѣ эти шлагбаумы, напоминая собою о былой жизни столицы.

Предъ грозой. (Къ рис. на стр. 689.) Перистыя и прозрачныя раннимъ утромъ, облака начали сгущаться. Дувшій вѣтерокъ стихъ и въ воздухѣ нависла та непріятная тишина, которая ощущается предъ грозой. Чувствуется какая-то жуть, всѣ ждутъ чего-то. А тучи все грознѣе и темнѣе. Чуть слышными раскатами доносится издалека громъ. Но онъ еще настолько далекъ, что не страшенъ и не заставляетъ вздрагивать ни людей, ни животныхъ, чутко прислушивающихся къ раскатамъ и ожидающихъ въ томительной тоскѣ приближающейся грозы.

Казакъ-забавникъ. (Къ рис. на стр. 697.) Молодцы-казаки очень скоро оріентируются среди всякихъ положеній. Заброшенные въ далекую Манчжурію, страну незнакомую имъ ни по условіямъ жизни, ни по обычаямъ, ни по языку, они очень скоро оглядѣлись въ ней и со своей природной сметкой ознакомились съ коренными жителями страны и китайцами. Полудикій народъ полюбилъ суровыхъ на видъ казаковъ за ихъ добродушіе и ласковое обхожденіе. Еще-бы не полюбить! Суровые на видъ донцы и забайкальцы — сердцемъ настоящія дѣти, отзывчивы и на горе, и на радость. Особенно любовно привязываются къ казакамъ дѣти. И казаки всѣмъ сердцемъ отвѣчаютъ на дѣтскую любовь. Они устраиваютъ для нихъ всевозможныя забавы, чтобы развеселить угрюмыхъ ребятишекъ. Вотъ одинъ казакъ соорудилъ картоннаго плясуна. Ловко подергиваетъ онъ за ниточку, и плясунъ выдѣлываетъ предъ глазами удивленнаго манчжура невѣроятные прыжки ногами и взмахи руками. Весело смѣется, глядя на это, мальчуганъ-инородецъ, да и казакъ улыбается своей забавѣ, выдуманной имъ для чужого ребенка.

СОДЕРЖАНІЕ № 22-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**. **Любъ-трава.** Истор.-быт. ром. графа Е. А. Саліаса. (Прод.) — **Помогайте!** (Разсказъ изъ жизни стараго офицера.) П. Н. Герасимова. — **Между жизнью и смертью.** Разсказъ Н. Д. Старостина. — **Весенній захватъ.** Ром. Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.)—**Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** Съ ярмарки. Съ карт. проф. А. Вирушъ-Ковальскаго.—Въ боярскомъ саду весною. — Ориг. рис. Б. Кремлева. — У петербургской заставы встарину. Ориг. рис. В. Зауерлендера. — Предъ грозой. Съ карт. Н. Н. Бунина. — Казакъ-забавникъ. Ориг. рис. С. Животовскаго.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Утопленникъ. Юмор. разск. Евг. Николаева.—Галантный садовникъ. (1 рис.) — Переправа. (3 рис.) — Наши дѣти. (1 рис.) — Тоже афера. (1 рис.)—Конецъ мая. Стих. Фаталиста. — Мозаика. — Ребусъ № 3. — Магическая фигура № 8. — Метаграмма № 8.—Логогрифъ № 36.—Загадка № 18.—Географическая задача № 17.—Перестановка буквъ № 25.—Логогрифъ № 37.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журн. № 20.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Русская и японская эскадра. (Съ 2 рис.) — Характеристика русскаго героя. (Съ портр.)—П. І. Серебрянниковъ. (Съ портр.)—Вице-адм. А. А. Бирилевъ. (Съ портр.)—Японскіе плѣнные на крейсерѣ „Громобой“. (Съ 1 рис.)— Къ набѣгу ген. П. И. Мищенки. (Съ портр.)—Японскіе развѣдчики. (Съ 1 рис.)—На Кавказѣ. (Съ 2 потр.)— Открытіе памятника имп. Фридриху III и новаго зданія думы въ гор. Шарлоттенбургѣ. (Съ 2 рис.) —Всемірная хроника.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Общеполезная библіотека „Родины“ 1905 г. Книга 5-я.

„ХИМІЯ“.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ
для домашнихъ библіотекъ по особо **УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ** имѣется въ книгоиздательствѣ **А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.**

ДАРОМЪ
высылается прейсъ-курантъ необходимыхъ предметовъ и новостей. **З. ЖУКЪ**, Варшава—6. 338

Зоологическій магазинъ М. Мулертъ, СПБ., Караванная., 8, высылаетъ большой иллюстр. каталогъ съ болѣе 100 рисун. аквариумовъ, фонтановъ, террарій, клѣтокъ, рыбъ, канареекъ, попугаевъ, земноводныхъ, собакъ, обезьянъ, раковинъ - за 4 семикоп. марки. 172

Интересное РАЗВЛЕЧЕНІЕ!

Стереоскопъ „Имперіалъ“ нов. костр. показываетъ буквально какъ въ натурѣ всевозможные виды, жанры и группы пикантнаго содержанія. Цѣна аппарату съ 50 разнор. фотографіями 2 руб. съ пересылкой. Заказы исполняются немедленно и налож. платежемъ. Имѣются 42 серіи, цѣна серіи (25 шт.) 45 коп. Адр: **Ш. Герману, Варшава, Дикая ул., № 3.** Списокъ фотографій и пр.-курантъ по первому требованію. P. S. Солидный источникъ для гг. торговцевъ и агентовъ. 318

Е. КРАУСЪ
С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 5. Телефонъ 6139.
Фотографическіе аппараты.
Таниры Краусъ и другіе. Микроскопы
Бинокли.
Зрительныя трубы.
Общ. прейсъ-курантъ безплатно.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТРИКО.
Очень прочная, практичная матерія для элегантнаго и солиднаго мужского костюма. Цвѣтъ фона черный, затканный новомодными сѣрыми искрами. Высылается фабрикой также отрѣзами въ 4¼ арш. для цѣлаго костюма за 5 руб. 10 коп. При выпискѣ 3-хъ или болѣе отрѣзовъ прилагается въ видѣ преміи требуемая къ нимъ подкладка совершенно
БЕЗПЛАТНО
Упаковка за счетъ фабрики. Пересылку уплачиваетъ заказчикъ, при требованіи наложеннымъ платежомъ. При полученіи-же фабрикой денегъ вмѣстѣ съ заказомъ, товаръ высылается уже безъ всякихъ доплатъ со стороны заказчика. Требованія прошу адресовать: гор. **Лодзь**, въ фабрику камвольныхъ и шерстяныхъ издѣлій Зигмунта **Розенталя.** 326

Сенсаціонная новость!
АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ
ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ
кто желаетъ имѣть, вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее, безвредное
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА
ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА
Savon Brésilien da-Costa.
Rio-de-Janeiro.—Paris.—Londres.
МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.
Неподдѣльныя коробки снабжены маркой „Звѣзда“, какъ на рисункѣ, и заклеены бандеролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.
Коробка 75 к.—Съ перес въ Европ Россію 1 кор 1 р 16 к. 3 кор 2 р 85 к.; 6 кор 5 р 10 к.—Русскія описанія безплатно.
ВЫПИСЫВАЙТЕ ИЗЪ ГЛАВНАГО СКЛАДА
Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.
С.-Петербургъ. Владимірская, 3

Гальманинъ 30-лѣтній УСПѢХЪ.
Всѣмъ извѣстный порошокъ противъ прѣнія тѣла, особенно ножныхъ пальцевъ.
Остерегайтесь поддѣлокъ и другихъ препаратовъ подъ разными названіями, не достигающихъ своей цѣли. 477
Настоящій Гальманинъ обвернутъ въ англійскую коричневую бумагу съ водяными знаками „Гальманинъ Карпинскаго“ — „Mon meilleur camarade“ и получить его можно въ аптекахъ и аптекарскихъ магазин.

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ
БЕЗПЛАТНО **ИСЦѢЛЯЮЩИМИ** БЕЗПЛАТНО
БЕЗВРЕДНЫМИ ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ.
КНИГУ, ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХЪ; въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“, высылаетъ **БЕЗПЛАТНО** по полученіи 21 коп. марками на расх. перес. (заказнымъ 28 коп.)
СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ ВЪ 1834 ГОДУ
Центральная Гомеопатическая Аптека
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ, 15.
Существующая при Аптекѣ Лѣчебница Доктора Флеминга даетъ иногороднимъ письменные совѣты (неимущимъ безплатно).

Дозволено цензурою. Спб., 21-го мая 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ французской Оружейной Мануфактуры — совершеннѣйшее карманное оружіе.

ПИСТОЛЕТЪ ГОЛЮА, автоматическій пяти-зарядный, калибръ 8 мм. чрезвычайно точнаго и сильнаго боя, плоскій, толщина 1½ длина 13 сантиметр., вѣсъ немного болѣе ½ фунта. Въ карманѣ лежитъ какъ портъ-табакъ, безопасенъ въ обращеніи. Кромѣ боевыхъ, имѣются патроны освѣтительные—ночью первымъ выстрѣломъ можно освѣтить противника и моментально пускать пули. Цѣна пистолета 17 руб. 50 коп.; такой же гравированный 22 руб. Патроны 25 штукъ 1 руб. 40 коп.

НАЖАТЬ ЛАДОНЬЮ.

ВЫСЫЛАЕТЪ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ ТОВАРИЩЕСТВА при журналѣ „ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“ МОСКВА, ПЕТРОВКА, ДОМЪ ХОМЯКОВА.

Тамъ-же имѣются дешевыя ружья центр. огня, по прочности и бою признанныя лучшими въ мірѣ—въ 38 р. 55 р. и 65 р., Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

СКРИПКИ — въ 2 р., 3 р., 4 р., 6 р., 8 р 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к., 1 р., 1½ р., 2 р., 2½ р., и дороже. САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ — Съ механическими колками въ 5 р., 6½ р., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже съ простыми колками въ 2⅓ р., и 4 р. САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ — Съ простыми колками въ 1¾ р. 2¾ р., 3½ р. съ механ. колк. 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

10 ПОЛУЧЕНІИ ЗАДАТКА ⅛ СТОИМОСТИ ВЫСЫЛАЮ СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ

МОСКВА **И. А. НОВИКОВЪ**, СРѢТЕНКА, СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ, Н. Ермоловъ. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

CONSTIPATION PILULES DE CASCARA MIDY Midy

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО ОТЪ ОБЫЧН. ЗАПОРА. Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать. Не производитъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

Нѣтъ ни одного человѣка, который не признаялъ бы рекомендуемаго мною новѣйшаго металлич. стереоскопа „Имперіалъ“ съ приспособленіемъ для наставленія на рѣзкость весьма интересной и дешевой вещью въ домѣ, показывающей буквально какъ въ натурѣ всевозможные виды, жанры и группы пикант. содержанія. Цѣна стереоскопа съ 50-ю разнородными фотографическ. карточками 1 р. 75 к. За пересылку 25 к., въ Азіатскую Россію (2 и 3 поясъ) 50 к. Высылается и наложен. платежомъ. Картинокъ имѣется 42 серіи по 25 шт. каждая. Цѣна серіи 50 к. Требованія адресовать Ш. КУЛЬВАРСКОМУ, Варшава, Холодная, 18—4. 319

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУ и К° — ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО МОЛОДОСТИ МОСКВА. 20 коп. кус.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 22. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

НЕСТЛЕ дѣтская молочная мука

Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

ВМѢСТО 13 руб. ТОЛЬКО 3 р. 75 к.

Высылаю наложен платежомъ безъ задатка изящные и проч. карм. мужскіе часы, открыт. изъ настоящаго франц. нов. зол. „Вѣкъ“ ● не золоченые ● заводъ головкою разъ въ 36 час., съ руч. за вѣрность хода и прочность металла на 6 лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорог. часовъ, стоящ. 100 руб. Такіе-же глух. съ 3 крышками—5 р. 50 к. Дамск. глух.—Цѣна 6 и 7 р. Къ каждымъ часамъ прилагается цѣпочка тогоже металла и брелокъ. Адресовать: Ш. КУЛЬВАРСКОМУ, Варшава, Холодная 18—4. 279

КУМЫСЪ-ЭКСПОРТЪ. не портится. Высылается круглый годъ ящиками (100 бут.)—30 руб. и ½ ящ. — 16 р., включая провозную плату по жел. дор. большой скоростью. Требованіе кумыса и безплатной брошюры „Кумысъ и его приготовленіе“ (иллюстрированная—1 р.) обращать: Смышляевка Самарской губ., Б. Н. Постникову. 323

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ. — БАНКА 1 р. 90 к.

ПАРИЖСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ НОВОСТИ. 309

7 образцы—1 р. 05 к.; 12 за 1 р. 90 к.; 20 за 4 р. 35 к. Тутъ включены перес., упаковка и пошлина. Прейсъ-курантъ безплатно. Амалія Фрелихъ, гор. Ранси при Парижѣ, улица Викторъ Гуго, № 40, кв. 9.

Поступила въ продажу **новая книжка** д-ра Г. О. Фриддендера „БЕРЕГИТЕ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ“. Цѣна 25 коп. (можно марками). 304 Выписывать отъ автора (Спб., Шлиссельбургскій пр., 58)

БЕЗПЛАТНО высылается брошюра: **ЛѢЧЕНІЕ ЗАИКАНІЯ** Ч. Ю. ЭРНСТА. Москва, Б. Никитская № 11. Руководство къ самообученію 2 р. 50

ЧЕНЬШИВАТЬ СЪ ВАРШАВ. ФИРМЫ

С.-Петербургъ, Невскій, № 59, депо часовъ, **М. СОКОЛОВЪ.** 316

бывш. много лѣтъ мастеромъ **І. Мозеръ и К°**, знаменитой фирмы часовъ, какъ спеціалистъ, рекоменд. изъ своего склада по оптовой цѣнѣ слѣд. сорта лично имъ провѣренныхъ часовъ высш. качества, съ полн. ручательств. на 5 лѣтъ. Часы мужскіе черные—4 р. 80 к., лучш. сорта анкер.—7 р. 50 к. и 12 р. Часы мужск анкер. на 1. камн., серебр. 84 пр., массивныя три крышки, заводъ ключ.—9 р. 85 к. и 12 р. 50 к., зав. головкой 12 р. и 15 р. Часы мужск. аметик. золота „Дубле“, анкер., 15 кам., 8 р. 75 к. Часы дамск. черн. 7 р. 75 к., серебр. 84 пр. 9 р. 75 к. и 15 р.; крѣпко вызол. на 1 р. дороже. При всѣхъ часахъ безпл. изящн. цѣпь. Пересылка на счетъ фирмы, налож. платеж. безъ задатка. Требуйте безпл. иллюстр. каталогъ.

ВНИМАНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го, безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

НЕ ВЫБРАСЫВАЙТЕ *того, что можно* **ПОЖЕРТВОВАТЬ**

состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны **ПОПЕЧИТЕЛЬСТВУ** Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій **на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей** въ мастерство, которое собираетъ только то, **что другимъ не нужно** и что иногда **мѣшаетъ въ домѣ, квартирѣ, на дворѣ**, какъ, напр.: тряпки, битое стекло, рваную бумагу, лоскутки, опорки, пробки, желѣзо, коробки и пр., и пр., и пр. Желающіе отдать что-либо въ Попечительство сообщаютъ письменно: **Петербургъ, Садовая ул., № 60** (или по телеф. **№ 1360**), откуда посылается артельщикъ. Все принимается съ глубокою благодарностью. 105

ПРОСЯТЪ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ.

Контора Редакціи покорнѣйше проситъ тѣхъ изъ подписчиковъ, которые подписались **ВЪ РАЗСРОЧКУ** и при подпискѣ выслали только по **ТРИ** рубля, озаботиться своевременнымъ взносомъ слѣдуемыхъ денегъ, во избѣжаніе остановки дальнѣйшей доставки журнала и газеты, такъ какъ **срокъ прекращенія высылки** имъ изданія наступаетъ съ **26**-го номера. При доплатѣ денегъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому получается журналъ.

Сканировал redukterer rutracker.org